

В. А. СУРОВЦЕВ

Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна

«Заметки по логике»

Проследить генезис оригинальной концепции Л. Витгенштейна позволяет ряд материалов, предшествующих по времени созданию *«Логико-философского трактата»*. Основное значение здесь имеют две работы: *Заметки по логике* и *Заметки, продиктованные Дж. Э. Муру*. Созданные *ad hoc*, они тем не менее представляют собой целостные тексты и, несмотря на отсутствие должной систематичности, выражают ряд получивших концептуальную оформленность идей. Заметки Витгенштейна относятся к тем произведениям, которые хочется оценить как высокую философскую литературу, но не позволяет жанр, требующий проводить их по ряду подготовительных материалов. И все же к *Заметкам* следует относиться как к зрелым работам, в которых выражена, может быть и не вполне ясно, целостная конструкция. Некоторые идеи здесь уже настолько сложились, что яснее не будут выражены Витгенштейном никогда. Содержание *Трактата* подразумевает *Заметки*, не поняв которые нельзя до конца оценить ряд положений основного произведения. Последнее замечание особенно касается критики концепций Г. Фреге и Б. Рассела. Ведь именно на их фоне философия логики раннего Витгенштейна конституировалась как своеобразная система. Несмотря на серьезные различия, идеи Г. Фреге и Б. Рассела базируются на ряде допущений, выявление и критика которых как раз и составили основной предмет *Заметок*. Кроме того, критические замечания результируются в ряде позитивных положений, которые нашли свое полное выражение в *Трактате*. Ряд найденных решений имеет, правда, предварительный характер и значительно отличается от того, что будет выражено позже. Но именно эти предварительные решения дают прекрасную экспозицию движения мысли и позволяют оценить, какой путь из многообразия возможных был выбран.

Заметки по логике относятся ко времени обучения Витгенштейна в Кембридже. Датированные сентябрем 1913 г., они были подготовлены по просьбе Бертрانا Рассела¹. Характер записей говорит о том, что они не строились по заранее обдуманному плану, а представляют собой неупорядоченный набор тезисов, где последующий зачастую не связан с предыдущим, что хотя и вполне соответствует стилю остальных заметок Витгенштейна, в данном случае скорее напоминает список ответов на поставленные вопросы. *Заметки по логике* сохранились только в английской версии и, видимо, отражают переводческие усилия Рассела, степень участия которого в их создании не вполне ясна². Для

¹ Слово «подготовлены» использовано здесь с большой долей условности. Что оно означает на самом деле, можно судить по переписке Рассела и Витгенштейна, затрагивающей эти записи. Их отношения, которые никогда нельзя было назвать легкими, в полной мере проявились при подготовке рукописи. Приведем для иллюстрации отрывок из биографического очерка о Расселе этого периода: «Отношения с Витгенштейном продолжались. Людвиг собрался навсегда поселиться в Норвегии, чтобы в одиночестве решить все проблемы логики. Рассел отговаривал его. Он писал Оттолин: “Я сказал ему, что там ему будет одиноко, а он сказал, что проституировал свой разум, разговаривая с умными людьми. Я сказал, что он с ума сошел, а он сказал, что Бог хранит его от здравомыслия”. Когда удалось-таки уговорить Витгенштейна остаться, встала другая проблема — заставить его написать хоть какую-нибудь работу. Людвиг не соглашался ничего публиковать, пока его текст не будет совершенством как с научной, так и с эстетической точек зрения. Рассел убедил его диктовать из своей записной книжки немецкому стенографу, однако, просмотрев стенограмму, увидел, что большая часть текста совершенно непонятна. Единственным выходом было посадить ученика за письменный стол и заставить работать. Рассел писал Оттолин: “Изрядно поворчав, он сказал, что не может. Я крепко обругал его, и мы поссорились. Затем он сказал, что будет говорить и записывать те мысли, которые я сочту стоящими того. Мы попробовали, и это сработало. Но мы оба были истощены...”. И все же получившийся в итоге текст пока не годился для публикации. Тогда Рассел предпринял последнюю попытку. Он упрямил секретаря Филиппа Джордана — молодую женщину, занимавшуюся историей науки, — застенографировать их дискуссию: вопросы Рассела и объяснения Витгенштейна. Так появились *Заметки по логике* Л. Витгенштейна. “Я переводил, переписывал и классифицировал заметки о работе Витгенштейна”, — писал Рассел» (*Яковлев А. А. Кембриджский философ (история жизни Бертрانا Рассела в годы 1872–1914) // Проблема истины в современной западной философии науки. М.: ИФАН, 1987. С. 105*).

² Необходимо отметить, что *Заметки по логике* сохранились в двух различных вариантах. Второй вариант содержательно почти не отличается от первого. Однако он имеет иную структуру. Тезисы в нем содержательно упорядочены и разбиты на тематические разделы. (Перевод см.: *Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. Томск: Водолей, 1998. С. 147*.) По сообщению Г. Т. Костелло, первого публикатора этой версии, он получил ее от Б. Рассела, будучи ас-

адекватного понимания данного текста необходимо учитывать и то, что в нем в основном используется терминология Рассела, что может свидетельствовать как о том, что Витгенштейн еще не разработал своего оригинального аппарата, которому он следует в *Трактате* так и о том, что переводчик использовал знакомый терминологический ряд.

Заметки по логике проливают свет на природу проблем, с которых начинал Витгенштейн и решение которых привело его к созданию оригинальной версии философии логики. О важности достижений этого периода говорит то, что приблизительно половина фрагментов этих заметок в той или иной степени была включена в окончательную версию *Трактата*, хотя и не всегда в той же самой связи. Основная часть *Заметок* посвящена разработке теории истинностных функций, которые рассматриваются с точки зрения разрабатываемой новой системы обозначения (*ab*-записи). Кроме теории истинностных функций, значительное место уделяется новой трактовке предикатов. Еще одна важная черта — указание на исключительность проблем, связанных с пониманием мнимых переменных и зависящей от этого трактовкой логических предложений, как стоящих под знаком всеобщности. В понимании предмета философии логики (дескриптивный анализ неопределяемых) взгляды Витгенштейна здесь вполне согласуются со взглядами Рассела, который говорит об «исследовании неопределяемых, образующем главную часть философской логики»³. Однако способ анализа неопределяемых приводит к изменению трактовки сущности предложения, что лежит в основании развернутой критики концепций Рассела и Фреге.

Учитывая характер создания *Заметок по логике*, дать последовательную экспозицию их содержания совсем непросто. Записи, послужившие основой этих заметок, велись в течение определенного времени и отражают последовательное движение мысли Витгенштейна. Многие из них, возможно хронологически предшествующие, находят свое объяснение только с точки зрения

систентом последнего в 1914 году в Гарварде, когда тот прибыл туда читать лекции (*Costello H. T. Introduction to "Notes on Logic" by L. Wittgenstein // The Journal of Philosophy, Vol. 54. №.9. 1957*). Как убедительно показал Б. Мак-Гвиннес, вторая рукопись была плодом редакторских усилий Рассела, и к самому Витгенштейну имела косвенное отношение, поскольку он не принимал участия в ее редакции (см.: *McGuinness B. B. Russell and L. Wittgenstein's "Notes on Logic" // Revue Internationale de Philosophie. 1972. №.102*). Здесь используется первый вариант.

³ *Russel B. The Principles of Mathematics. NY, 1938. P. V.*

общего видения задачи, сформулированной позже. Однако и те и другие равноправно присутствуют в тексте, который тематически неупорядочен. Таким образом, понимание этой работы как единой существенно зависит от расстановки приоритетов и не обязательно связано с последовательностью действительной постановки вопросов. Проследить генезис проблематики, которая найдет свое предварительное решение в *Заметках по логике*, позволяет переписка Витгенштейна с Расселом на протяжении 1912–1913 гг. Характеризуя свои занятия, в одном из первых писем Витгенштейн сообщает: «Логика все еще находится в точке плавления, но одна вещь становится мне все более и более ясной: Предложения логики содержат *только мнимые* переменные и каким бы не оказалось объяснение мнимых переменных, его следствием *должно* быть то, что *не* существует *логических* констант. Логика должна оказаться наукой *совершенно* иного типа, чем все другие науки»⁴.

Таким образом, в фокусе оказываются две проблемы: во-первых, исследование специфики логических законов; во-вторых, выяснение природы логических констант. Вторая проблема зависит от решения первой, которая хотя и опознана как проблема, но все еще далека от решения. Витгенштейн отчетливо осознает, что предложения логики отличаются от предложений всех других наук, а логика не является наукой, подобной всем прочим наукам. Видимо, это осознание и связывает первую проблему со второй. Действительно, раз предложения логики отличаются от предложений прочих наук, значит, должны отличаться и содержащиеся в них константы. Интуиция приводит Витгенштейна к тому, что если константам естественных наук нечто и соответствует в действительности, то логическим константам, типа \vee , \supset , \sim , не соответствует ничего. Подобная тематизация исследования очевидно отличается от подхода как Рассела, так и Фреге, для которых предложения логики являются универсальными истинами и отличаются от законов других наук только тем, что относятся не к специфике мышления в рамках какой-то отдельной предметной области, а к специфике мышления вообще⁵. Совершенно иначе ставит вопрос Витгенштейн.

⁴ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. Томск: Водолей, 1998. С. 147.

⁵ В данном случае интересно следующее высказывание Фреге: «Любой закон, утверждающий то, что есть, может рассматриваться как предписывающий то, что должно мыслить в согласии с ним, и в этом смысле является, таким образом, законом мысли. Это относится к законам геометрии и физики не в меньшей степени, чем к законам логики. Эти последние имеют специ-

Специфика логического исследования должна показать, что логические законы не являются каким-либо обобщением законов прочих наук и, следовательно, требуют иного подхода и иной трактовки выражений, с помощью которых они построены. В частности, объяснение предложений логики должно привести к отмене логических констант. Однако, несмотря на то, что связь указанных проблем здесь просматривается, ход мысли остается достаточно непрозрачным. Можно лишь констатировать, что в последующем первая проблема отходит на задний план, а проблема логических констант занимает доминирующее положение. Витгенштейн пишет Расселу: «В данный момент больше всего меня занимает не проблема с мнимыми переменными, но скорее значение ‘ \vee ’, ‘ \supset ’ и т. д. Эта последняя проблема — я думаю — до сих пор является наиболее фундаментальной и, если возможно, все же наименее опознанной как проблема»⁶. Можно лишь предполагать, что взаимосвязь проблем осознается в обратном порядке, и размышление над логическими константами должно привести к выяснению специфики логических законов. Но это остается в сфере догадок.

Если обратиться к продолжению того же письма видно, что Витгенштейна более всего занимает проблема значения логических констант, которую он пытается решить с точки зрения расселовского подхода к предложениям типа ‘ $p \vee q$ ’ как к комплексам и находит данную идею весьма сомнительной. Напомним, что в то время Рассел рассматривал значения логических констант как своеобразные объекты, данные в отношении непосредственного знакомства, а молекулярные предложения, в которых они встречаются, как комплексные имена, которым соответствуют комплексные объекты. Такой подход предполагал, что предложения с логическими операторами находят адекватацию в действительности, отличающуюся от адекватации атомарных предложений, поскольку первые включают нечто такое, что отсутствует в последних. Здесь для Витгенштейна как раз и возникает проблема.

Он отказывается признать существование логических объектов, но продолжает рассматривать предложение в расселовском

альное название ‘законы мысли’, только если мы нашим утверждением подразумеваем, что они являются наиболее общими законами, которые универсально предписывают способ, которым должно мыслить, если необходимо мыслить вообще» (*Frege G. Grundgesetze, S. XV*). Таким образом, законы логики рассматриваются как своего рода обобщения специальных законов.

⁶ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 147.

ключе как комплексное имя, трактуя логические операторы как связи, имеющие особый характер и относящиеся к связываемым объектам специфическим образом. В конце концов Витгенштейн приходит к выводу о неадекватности подхода к молекулярным предложениям как к комплексам, отражающим специфические связи объектов. Он снова пишет Расселу: «Теперь, относительно ‘ $p \vee q$ ’ и т.п.: Я обдумывал эту возможность — а именно, что все наши затруднения можно преодолеть допущением различных видов отношений знаков к вещам — снова, снова и снова! в течение последних восьми недель!!! Но я пришел к заключению, что это допущение нисколько нам *не* поможет... *оно даже не соприкасается с нашей проблемой*»⁷.

Итак, попытка выяснить, каким образом приобретают значение логические константы, приводит Витгенштейна к анализу отношения различных знаков к обозначаемым вещам. Теперь проблема ставится гораздо шире. По-видимому, под ‘различными видами отношений знаков к вещам’ здесь подразумеваются различия в способах символизации молекулярных и атомарных предложений. Трактуя предложения с логическими операторами как комплексы, Рассел лишь распространил на них точку зрения, разработанную им относительно атомарных предложений. Следовательно, ревизия способов обозначения молекулярных предложений должна быть доведена до атомарных, и даже более того, до выяснения сущности обозначения предложений вообще. Поскольку молекулярные предложения в каком-то смысле производны от атомарных, постольку решение проблемы способов обозначения последних должно иметь определяющий характер. Это мнение Витгенштейн как раз и сообщает Расселу в следующем письме: «Я думаю, что наши проблемы можно проследить до атомарных предложений. Вы увидите это, если попытаетесь точно объяснить, каким образом в таких предложениях связка имеет значение. Я не могу этого объяснить и думаю, что коль скоро на этот вопрос будет дан точный ответ, проблема с ‘ \vee ’ и мнимыми переменными, если и не будет решена, то будет близка к решению».

Говоря о связке, Витгенштейн, видимо, подразумевает символы свойств и отношений, связывающие имена отдельных объектов. Основная новация здесь — это осознание того, что символы свойств и отношений должны обозначать способом, совершенно отличным от того, как обозначают собственные имена. Исследование специфики обозначения атомарных комплексов

⁷ Там же. С. 148.

приводит к пересмотру общей теории предложений как класса имен. Выяснение специфики обозначения различных элементов атомарного предложения должно решить те общие вопросы, которые касаются специфики функционирования логических констант и природы логических предложений. На этом пути Витгенштейн достигает наиболее значительных результатов, создавая собственную теорию значения, несущую большой критический заряд относительно концепций Фреге и Рассела и лежащую в основании его собственной философии логики. Анализ изобразительных особенностей знаков различного вида приводит к изменению трактовки атомарных предложений, что следствием имеет изменение понимания предложений вообще, и в этом особую роль также должно сыграть новое понимание специфики знаков свойств и отношений. Решению последней задачи должна способствовать правильная теория символизма. Как следствие, такой анализ приводит к ревизии онтологических допущений, связанных с теорией типов.

Генезис идей, прослеживаемый в письмах, позволяет реконструировать концептуальное ядро *Заметок по логике*, которое видится следующим образом. Во-первых, выяснение символических особенностей различных знаковых изображений — особенно предикатов (т. е. символов свойств и отношений) — должно лежать в основании нового понимания атомарных предложений. Во-вторых, это должно привести к изменению трактовки молекулярных предложений, и в частности к отмене логических констант. В-третьих, необходимо иначе истолковать старую или разработать новую формальную запись, адекватно отражающую суть происходящих изменений. В-четвертых, должна измениться трактовка логических законов. Решение этих задач ведет к последовательной ревизии онтологических и эпистемологических допущений, лежащих в основании систем Фреге и Рассела, в результате которой может возникнуть новое понимание логики как науки.

Совокупность поставленных задач реализуется Витгенштейном в рамках общей проблемы, относящейся к прояснению характера неопределяемых логики. Важность учения о неопределяемых связана со спецификой формального анализа. Логика отвлекается от смысла и значения языковых выражений, поэтому в логике не играют роли ни отношение конкретного имени к своему значению, ни связь конкретного предложения с реальностью. Однако формальный анализ все же предполагает, что имя как таковое должно иметь значение, а предложения — смысл. При отвлечении от содержания языковых выражений в той или

иной степени должна сохраняться интенция значения, поскольку хотя логику не интересует конкретное значение языковых выражений, знаковый анализ должен сохранять существенные характеристики того, что служит предметом исследования. Анализ предложений или имен основывается на их специфических свойствах, которые предопределяют различие в результате. Поэтому замена действительных предложений и имен знаковыми изображениями должна основываться на том, как понимается данный символ.

С точки зрения Фреге и Рассела, логика, создавая знаковый язык как вспомогательное средство анализа способов выражения мысли, должна сохранять существенные черты этих способов. В противном случае нельзя было бы сказать, что выявляются свойства именно этих средств выражения. Как у Рассела, так и у Фреге конструкция знакового языка логики включает два момента. Во-первых, необходимо зафиксировать алфавит, образующий совокупность базовых символов логического языка. Во-вторых, указываются правила образования различных выражений из исходных символов. Таким образом, все выражения логики делятся на простые и комплексные. Например, комплексное выражение ' $p \vee \sim q$ ' построено из простых знаков ' p ', ' \vee ', ' \sim ', ' q ', а комплексное выражение ' aRb ' — из ' a ', ' R ' и ' b '. Правила конструирования однозначно задают понимание сложных выражений, если задано значение примитивных знаков. Но как задать значение примитивных знаков? Дело осложняется тем, что примитивные знаки могут входить в сложные выражения в разной связи, однако должно сохраняться их единообразное понимание. Таким образом, введение исходных знаков должно предусматривать многообразие их использования.

Здесь возникает первое затруднение. Можно ли определить знак так, чтобы предусмотреть возможность бесконечно разных его употреблений? Вероятно, часть знаков можно попытаться определить. Но сама возможность определения указывала бы на то, что эти знаки лишь по видимости являются примитивными, поскольку определить можно лишь то, что является комплексным. Если же пытаться все знаки определить друг через друга, то в результате такой перекрестной определимости значение знака никогда не было бы достигнуто, поскольку рано или поздно возникнет круг в определении. Кроме того, взаимная определимость того, что считается примитивным знаком, всегда чревата проблемами, которые возникли в системе Фреге в связи с взаимной определимостью функции и аргумента. Отсюда вытекает, что в знаковом языке логики должны быть такие

символы, значение которых вводится непосредственно, именно они, с точки зрения Рассела, являются неопределяемыми или 'примитивными идеями' логики. Поскольку аппарат логики включает два типа символов, несущих различную смысловую нагрузку, а именно логические операторы, характеризующие универсальные способы связи (например: ' \vee ', ' \sim ', ' \exists '), и дескриптивные знаки, указывающие на переменные содержания (например: ' a ', ' b ', ' R ', ' p '), постольку необходимо указывать два вида неопределяемых.

Несмотря на то, что ряд логических операторов определимы друг через друга, по указанным выше соображениям некоторые из них необходимо ввести как логические константы. Фреге, например, в качестве таковых иногда рассматривает условную связь и отрицание, иногда логическое умножение и отрицание. Рассел предпочитает логическое сложение и отрицание. В качестве значения логических констант рассматриваются особые функции, как у Фреге, или особые логические объекты, данные в отношении непосредственного знакомства, как у Рассела. К числу примитивных идей (а стало быть, неопределяемых) относятся также символы и значения дескриптивных компонент логического языка. Рассел, например, неопределяемыми считает понятия имени, предложения, индивида, отношения, комплекса, как примитивные рассматриваются и соответствующие им символы.

Необходимо отметить, что два вида неопределяемых при трактовке существенно зависят друг от друга. У Фреге и Рассела, например, очевидна связь между функциональным пониманием логических констант и трактовкой предложений как имен, поскольку утверждение, что логически операторы обозначают свойства и отношения, неотделимо от утверждения, что предложения являются именами объектов, так как отношения и свойства бывают только у объектов. Поэтому изменение понимания неопределяемых одного вида необходимо приводит к изменению понимания неопределяемых другого вида.

Основной мотив в исследовании неопределяемых связан у Витгенштейна с выяснением сущности предложения и пересмотром допущений, лежащих в основании философии логики Фреге и Рассела. Критической оценке подвергается, во-первых, теория логических констант и логических объектов, в основании которой лежит убеждение в том, что логика не является наукой об особом классе предметов. Во-вторых, правильное объяснение неопределяемых, основанное на корректной трактовке символических особенностей знаковых изображений, должно привести

к пересмотру теории типов, которую в одном из писем к Расселу Витгенштейн называет «чудовищной»⁸.

Согласно переписке к пересмотру теории предложений Витгенштейна привели размышления над тем, каким образом в атомарных предложениях приобретает значение связка. Под атомарными предложениями в данном случае понимаются выражения типа ' fa ' и ' aRb '. В этих предложениях ' a ' и ' b ' относятся к разряду неопределяемых имен и получают значение, непосредственно репрезентируя объекты. Естественно было бы предположить, что ' f ' и ' R ' также являются неопределяемыми, непосредственно репрезентируя свойства и отношения. Такому пониманию способствует сам язык, поскольку в символах ' f ' и ' R ' нет ничего такого, что указывало бы на то, что их символическая нагрузка принципиально отличается от символической нагрузки ' a ' и ' b '. Этим путем идет, например, Рассел, представляющий каждый факт как пространственный комплекс, поскольку «идея, что предложения являются именами комплексов, предполагает, что все, что не является именем собственным, является знаком для отношения. Потому что пространственные комплексы состоят только из Вещей и Отношений, а идея комплекса взята из пространства»⁹. Однако атомарные предложения не являются простой совокупностью конститuent. Рассматривая теорию Рассела, мы уже указывали, что предложение от простого класса имен отличает порядок, регулируемый логической формой. Порядок имен устанавливается в акте суждения, которое в зависимости от порядка объектов (т. е. от того, переходим ли мы посредством R от a к b или от b к a) в соответствующем комплексе является истинным или ложным. Таким образом, акт суждения непосредственно включен в конструкцию предложения, являясь тем цементом, который скрепляет конструкцию в единое целое. В данном случае роль ' f ' и ' R ' в предложении ничем не отличается от роли ' a ' и ' b '. Первые суть такие же конститuentы, как и вторые. Стало быть, им соответствуют такие же объекты, как и именам, правда, с точки зрения Рассела относящиеся к другому типу.

Совершенно иной взгляд разрабатывает Витгенштейн. В одном из писем, непосредственно предшествующих созданию Заметок по логике, он сообщает Расселу: «Я изменил свою точку зрения на “атомарные” комплексы. Я теперь думаю, что качества, от-

⁸ Там же. С. 150.

⁹ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. Томск: Водолей, 1998. С. 115.

ношения (такие, как любовь) и т. д. все являются связками! Это подразумевает, например, что я с помощью анализа привожу субъектно-предикатное предложение, скажем, “Сократ — человек” к ‘Сократ’ и ‘нечто является человеком’ (которое, я думаю, не является комплексом). Причина этому весьма фундаментальна: Я думаю, что не может быть различных типов вещей! Другими словами, все, что можно символизировать простым собственным именем, должно принадлежать к одному типу»¹⁰. Здесь Витгенштейн недвусмысленно высказывается в пользу того, что собственные имена отличаются от символов отношений. Имена действительно репрезентируют обозначаемый ими объект. Но со знаками свойств и отношений дело обстоит иначе. Здесь возникает первая проблема. Раз свойства и отношения не репрезентируют свой объект непосредственно, значит, они не являются неопределяемыми в расселовском смысле. Их значение устанавливается каким-то иным способом. Но каким? Тесно с первой связана и вторая проблема. Если символы свойств и отношений не являются неопределяемыми, существуют ли какие-то другие неопределяемые помимо имен объектов? И если да, то какие?

На первую часть второго вопроса Витгенштейн отвечает совершенно недвусмысленно. Он говорит: «Мы должны быть в состоянии понять предложение, которое ранее никогда не слышали. Но каждое предложение является новым символом. Следовательно, нам необходимо иметь *общие* неопределяемые символы; это неизбежно, если не все предложения не определяемы»¹¹. Действительно, предложения не могут состоять только из имен, они не являются классами имен, если под именами понимать только собственные имена. В противном случае мы не могли бы рассматривать предложения как истинные или ложные. Таким образом, помимо ‘частных’ неопределяемых, которые представляют собой собственные имена, должно быть еще нечто такое, что соответствует той роли, которую выполняют у Рассела символы свойств и отношений. То, что такой элемент должен быть, показывает простое рассуждение о том, как понимается предложение включающее свойство или отношение. Возьмем предложение «Кассио любит Дездемону». Здесь присутствуют собственные имена «Кассио» и «Дездемона». Предположим, что их значение известно нам непосредственно. Но для понимания всего предло-

¹⁰ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 150.

¹¹ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 121.

жения нам должно быть известно и значение «любит». Однако любая попытка определения в данном случае будет приводить к бесконечному регрессу. Можно, конечно, попытаться определить «любит», говоря, что этот символ соответствует «испытывает такие-то и такие-то чувства», но «такие-то и такие-то», в свою очередь, опять потребует определения, и так далее, до бесконечности. Для того чтобы этого избежать, помимо имен, необходимо принять и другие неопределяемые.

Общие неопределяемые необходимы, их правильное рассмотрение должно сделать ясным природу взаимосвязей, рассматриваемых при формальном анализе. Как говорит Витгенштейн, «только учение об общих неопределяемых позволит нам понять природу функций. Пренебрежение этим учением заведет нас в непроницаемые дебри»¹². В таких дебрях оказался, например, Фреге, поскольку его трактовка функции и аргумента как относящихся к одному и тому же уровню неопределяемых привела к формулировке парадокса. Рассел попытался преодолеть парадокс с помощью теории типов, которая, по существу, сводится к явной фиксации типа значения того или иного неопределяемого знака и к запрету использовать символы с различным типом значения на одном и том же уровне, что, с точки зрения его ученика, нисколько не способствовало выходу на торную дорогу, поскольку, как сообщает Витгенштейн в письме к Расселу, «от всяких теорий типов нужно избавиться с помощью теории символизма, показывающей, что то, что, по всей видимости, является *различными видами вещей*, символизируется различными видами символов, из которых один, вероятно, *не может* быть подставлен на место другого»¹³. Последнее вытекает из общей идеи, что не может быть различных типов вещей, соответствующих различным типам знаков. Все дело в том, что знаки символизируют по-разному. Правильная оценка их символических особенностей позволит распознать действительную структуру предложения, которая скрыта языком, применяемым обычно, где предикаты выглядят как имена.

Что же, с точки зрения Витгенштейна, является в предложении неопределяемым? На решение вопроса указывает уже теория Рассела, который в структуру предложения, понимаемого как комплексное имя, помимо имен объектов, свойств и отношений, включал логическую форму. Если свойства и отношения исклю-

¹² Там же. С. 131.

¹³ *Витгенштейн Л.* Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 149.

читать из этого списка, то ответ предопределен: «Неопределяемые бывают двух видов: имена и формы»¹⁴. Правда, пересмотр того, что является неопределяемым, требует пересмотра того, в каком смысле имена и формы являются неопределяемыми составными частями предложения. Вспомним, что для Рассела форма является таким же объектом, как значения собственных имен и предикатов (т. е. имен свойств и отношений). Отрицая существование логических констант и, следовательно, логических объектов, Витгенштейн вряд ли может принять точку зрения Рассела. Функция формы должна быть совершенно иной, соответственно иной, чем репрезентация объекта, должна быть и функция символа формы. Кроме того, если свойства, отношения и формы не являются объектами, то принципиально по-иному должна рассматриваться роль суждения. Изменение трактовки неопределяемых тесно связано с пересмотром расселовской теории суждения. Реализуя критические усилия относительно последней, Витгенштейн как раз и приходит к пониманию того, каким образом функционирует форма предложения и приобретают значение знаки типа '*f*' и '*R*'.

Высказывая свое несогласие, в одном из писем к Расселу Витгенштейн говорит: «Сейчас я могу выразить свое возражение против вашей теории суждения точно: Я думаю, очевидно, что из предложения "А судит, что (скажем) *a* находится в отношении *R* к *b*", если оно корректно проанализировано, должно непосредственно следовать предложение " $aRb \vee \sim aRb$ " без использования каких-либо других предпосылок. Это условие не выполняется вашей теорией»¹⁵. Согласно теории Рассела возможность подобного вывода зависит как минимум от двух предпосылок. Во-первых, поскольку конституирование истины и лжи связано с двумя различными актами, каждый из членов дизъюнкции предполагает свой особый акт суждения, в одном из которых выполнялся, а в другом бы нарушался смысл отношения, заданный логической формой двухместного комплекса ' xRy '. Во-вторых, возможность конструирования предложения ' $aRb \vee \sim aRb$ ' зависит от знакомства с логической формой молекулярного комплекса ' $p \vee \sim p$ ', а также от знакомства с логическими объектами, которые соответствуют логическим константам ' \vee ' и ' \sim '. Кроме того, поскольку Рассел понимает двухместные ло-

¹⁴ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 119.

¹⁵ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 149.

гические союзы по аналогии с отношениями между предметами, установление истинности самого предложения ' $aRb \vee \sim aRb$ ' требует нового акта суждения, типа «А судит, что aRb находится в отношении \vee к $\sim aRb$ », а в этом случае необходимо установить то, каким образом возможен переход от суждения об отношении между предметами к суждению об отношении между атомарными комплексами.

Положение осложняется тем, что при таком понимании функция логической формы в атомарных и неатомарных комплексах различна. С одной стороны, в атомарных комплексах она устанавливает форму отношения между объектами; с другой стороны, в неатомарных комплексах она сама находится в отношении к объектам, что регулируется другой логической формой. Рассмотрим, например, «А судит, что $\sim aRb$ ». С точки зрения Рассела, в этом суждении форма неатомарного комплекса, по-видимому, должна устанавливать отношение между предметами a и b и логической формой атомарного комплекса xRy , говоря о том, что a и b не находятся в отношении R . В суждении «А судит, что $aRb \vee \sim aQb$ » логическая форма неатомарного комплекса устанавливала бы соответствующее отношение между предметами a и b и формами xRy и xQy . Вряд ли можно считать обоснованным, что одна и та же сущность может играть столь различные роли.

Еще более существенные затруднения возникают при рассмотрении общности. Понимание предложений как комплексных имен предполагает, что в акте суждения играют роль имена конкретных объектов. Но последние отсутствуют в предложениях общности. Какую роль в этом случае выполняет логическая форма? Что именно упорядочивается в акте суждения? Кроме того, если взять предложения ' aRb ' и ' $(\exists x, y) xRy$ ', очевидно, что они имеют сходную структуру. Однако предполагая подход Рассела, их логическая форма должна трактоваться различно, поскольку если в первом случае в акте суждения она будет определять отношение между предметами, то единственно возможное объяснение второго случая должно трактовать ее с точки зрения отношения между предметами и формами. Отсюда вытекало бы, что одно и то же отношение имеет место как между предметами, так и между формами и предметами. Но это противоречит теории типов, принимаемой Расселом.

Витгенштейн же считает, что понимание функции логической формы должно быть единообразным для различных типов предложений, «мы не можем сказать, что отношение, которое в определенных случаях имеет место между предметами, иногда

имеет место между формами и предметами. Это идет вразрез с теорией суждения Рассела»¹⁶.

Понимание истины и лжи с точки зрения упорядочивания конституент суждения не удовлетворяет как раз тому критерию, на основании которого Рассел критикует неогегельянцев. Выдвигая в качестве одного из основных принципов теории истины коррелятивность истины и лжи, Рассел тем не менее связывает их с двумя разными актами суждения, в которых познающий разум упорядочивает конституенты различным образом, что зависит от по-разному установленного смысла отношения.

С точки зрения Витгенштейна, коррелятивность истины и лжи должна проглядывать уже в одном акте суждения, если эксплицитно установить его форму. Форма должна учитывать наличие у предложения двух истинностных полюсов (истина и ложь), отношение к которым осуществляется в едином действии познающего разума. Это возможно только потому, что содержание предложения скоординировано с соответствующим фактом независимо от субъекта. «Когда мы говорим: ‘А судит что’ и т. д., мы должны сослаться на целое предложение. Этого нельзя выполнить, сославшись на его конституенты и формы, но не в надлежащем порядке. Это показывает, что предложение с тем, чтобы оно было высказано, само должно встречаться в утверждении; например, каким бы образом не истолковывалось ‘не-р’, вопрос ‘Что же отрицается?’ должен иметь значение»¹⁷. По мнению Витгенштейна, основная ошибка Рассела заключается в уподоблении суждения наименованию, хотя и имеющему специфический характер, где суждение, по сути дела, предполагает наличие соответствующего комплекса, состоящего из конституент, непосредственно известных говорящему. Задача судящего разума сводится к установлению координации между конституентами комплексного знака и конституентами соответствующего факта (вспомним, что и логическая форма является конституентой), а это вполне укладывается в понимание предложения как комплексного имени и акта суждения как акта называния. Истинность и ложность в этом случае уподобляются правильному и неправильному наименованию, связанному с различными действиями рассудка.

Однако одно лишь знакомство с конституентами и формами не исключает возможности бессмысленных суждений, что,

¹⁶ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 129.

¹⁷ Там же. С. 116.

по Витгенштейну, является критерием правильной теории суждений. «Правильная теория суждения должна сделать так, чтобы о бессмыслице судить было невозможно»¹⁸. Последнему требованию Расселовская теория как раз и не удовлетворяет, поскольку допускает комбинацию конститuent, которые хотя и известны непосредственно, при комбинации в комплекс образуют бессмысленное предложение. Возьмем, например, «Сократ тождественнее Платона». С точки зрения Рассела, подобное суждение вполне допустимо. Здесь непосредственно известные конститuentы скомбинированы соответственно форме двухместного комплекса xRy . Согласно трактовке акта суждения, если это предложение удовлетворяет смыслу отношения, то оно должно быть истинным, если нет, то истинным должно быть предложение «Сократ не тождественнее Платона». Однако оба предложения являются бессмысленными. Это лишний раз показывает, что предложения нельзя уподоблять именам или комплексам имен. Непосредственное знакомство не предполагает смысла. Имя есть своего рода метка объекта, замещающая его в языке. Но совершенно не то происходит с предложением. Если значение имен задается отношением непосредственного знакомства, то при рассмотрении предложений необходимо учитывать заключенный в них смысл¹⁹. Как говорит Витгенштейн, «имена — это точки; предложения — стрелки, они имеют смысл»²⁰.

Для классификации предложения как истинного или ложного недостаточно знакомства с его конститuentами, поскольку такая классификация зависит от понимания смысла, выраженного в акте суждения. И такое понимание не есть следствие упорядочивания конститuent согласно форме, так как сама форма не несет никакого смысла. Последний, согласно Расселу, возникает лишь в результате деятельности познающего разума. Но такая деятельность имеет субъективный характер и не может иметь определяющего значения для логики. Хотя мы и получаем знание о том что, соответствует предложению, когда оно является истинным, это не имеет отношения к пониманию. «Ясно, что

¹⁸ Там же. С. 117.

¹⁹ Вводя такую характеристику предложения, как смысл, Витгенштейн отвергает точку зрения Рассела, для которого отношение знака и обозначаемого всегда непосредственно, неважно, является ли этот знак собственным именем или предложением. Но специфическое понимание этой характеристики отличает данную концепцию и от теории Фреге, рассматривающего смысл предложения как способ данности истинностного значения.

²⁰ *Витгенштейн Л.* Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 125.

мы понимаем предложения без знания о том, истинные они или ложные. Но мы можем знать только значение предложения, когда знаем, что оно является истинным или ложным. То, что мы понимаем, есть смысл предложения»²¹. Знание о том, каким образом упорядочены объекты действительности, имеет значение для того, что предложение опознается как истинное или ложное, но способность понимания от этого не зависит. Скорее, для этого уже нужно знать, что означает для предложения быть истинным или ложным. Истинностное значение указывает на соответствие предложения реальности. Но способность понимания не связана с реальностью, поскольку предложение можно понять и не зная о том, как оно связано с реальностью, т. е. не зная о том, истинное оно или ложное. Предложение «За пределами Солнечной системы есть жизнь» вполне понятно, хотя в данный момент его истинностное значение неизвестно. С точки зрения Витгенштейна, «когда мы понимаем предложение, мы знаем: что имеет место, когда оно — истинное, а что имеет место, когда оно — ложное. Но мы не знаем (с необходимостью), является ли оно действительно истинным или ложным»²².

Таким образом, в отличие от Рассела, Витгенштейн считает, что представление суждения в виде пространственного комплекса неверно потому, что оно не учитывает понимания в едином акте суждения как условий истинности высказываемого предложения, так и условий его ложности, что конституирует смысл предложения, не сводимый к совокупности примитивных значений. «В '*a* судит *p*' *p* нельзя заменить собственным именем. Это очевидно, если мы подставляем "*a* судит, что *p* является истинным, а не-*p* является ложным'. Предложение '*a* судит *p*' состоит из собственного имени *a*, предложения *p* с его двумя полюсами, и соотнесения *a* с обоими этими полюсами определенным способом. Ясно, что это отношение не является отношением в обычном смысле»²³. Возможность отношения, о котором говорит Витгенштейн, должна быть предрешена уже в самом предложении '*p*', поскольку возможность для '*p*' быть истинным и ложным не создается в акте суждения. В суждении субъект лишь вступает в связь с тем, что уже предопределено структурой предложения. Отношение, о котором идет речь, не является пространственным в том смысле, который предполагается расселовской теорией предложения как комплексного имени.

²¹ Там же. С. 127.

²² Там же. С. 121.

²³ Там же. С. 118.

Всякое отношение в рамках предложения устанавливается логической формой. Именно она определяет для предложения возможность быть истинным и ложным. Как же устанавливается такое отношение? «Форма предложения имеет значение следующим образом. Рассмотрим символ ' xRy '. Символу этой формы соответствует связь предметов, чьими именами являются соответственно ' x ' и ' y '. Предметы x и y находятся друг к другу во всех видах отношений, и среди прочих некоторые находятся в отношении R , а некоторые — нет. Подобно тому, как я выделяю отдельную вещь с помощью отдельного имени, я выделяю всякое поведение точек x и y в связи с отношением R . Я говорю, что если x находится в отношении R к y , то знак ' xRy ' должен быть назван истинным в отношении факта, в противном случае он должен быть назван ложным. Это и есть определение смысла»²⁴. Форма не является предметом, а представляет собой образец, в соответствии с которым все факты могут быть разделены на два класса. Факты, в которых значения ' x ' и ' y ' находятся в отношении R , Витгенштейн называет смыслоподобными предложению ' xRy ', в противном случае — противоположными по смыслу. Таким образом, форма предложения лишь определяет, что имеются факты подтверждающие это предложение, и факты, его опровергающие, и следовательно, предложения заданной формы могут быть либо истинными, либо ложными. «Форма предложения подобна прямой линии, которая разделяет все точки на плоскости на правые и левые»²⁵. Это как раз решает затруднение, высказанное Витгенштейном в приведенном выше письме к Расселу. То, что из любого предложения (например, ' aRb ') вытекает логическая сумма его самого со своим отрицанием (например, ' $aRb \vee \sim aRb$ '), обусловлено логической формой, определяющей биполярность предложения.

Подобная трактовка формы отличается от расселовской тем преимуществом, что она не зависит от необходимости осуществления акта суждения, понимаемого как переход к истинностному значению, предполагающему знакомство с какими-то действительными объектами. И в этом отношении логическая форма сохраняет генерализирующее значение, которое теряется при трактовке предложения как комплексного имени. Подход Рассела к рассмотрению логической формы и ее связи с истинностным значением в акте суждения всегда предполагает пример какого-то отдельного предложения. Только в перспективе

²⁴ Там же. С. 117.

²⁵ Там же. С. 125.

последнего упорядочивающая функция формы приобретает смысл, и в этом отношении она находится в подчиненном положении к акту суждения. Кстати, именно поэтому по-разному трактуются ' aRb ' и ' $(\exists x,y) xRy$ ', поскольку акт суждения иначе соотносит их конституенты (объекты в первом случае, формы и объекты — во втором)²⁶. От подобного недостатка свободно объяснение Витгенштейна, который пишет: «Самое естественное возражение против способа, которым я ввел, например, предложения формы xRy заключается в том, что он не объясняет такие предложения, как $(\exists x,y) xRy$ и им подобные, которые тем не менее явно имеют общим с aRb нечто такое, что у cRd является общим с aRb . Но когда мы вводим предложение формы xRy , мы не упоминаем ни одного отдельного предложения этой формы; нам необходимо только ввести $(x,y) \phi(x,y)$ для всех ϕ любым способом, который делает смысл этих предложений зависимым от смысла всех предложений формы $\phi(a,b)$ и, тем самым, доказывается оправдание нашей процедуры»²⁷.

Утверждая, что суждение не сводится к акту познающего разума, упорядочивающего конституенты комплексного имени, Витгенштейн приходит к выводу: «Не существует предмета, являющегося формой предложения, и не существует имени, являющегося именем формы»²⁸. Логическая форма не может рассматриваться как конституента предложения наряду с другими конституентами, она не дана в непосредственном знакомстве и не является какой-то особой сущностью. Форма есть принцип различения фактов. Сопоставление фактов с символом формы и разделение их на два класса в чем-то аналогично сопоставлению имени и значения. Форма xRy приобретает значение тогда, когда известно, что она различает поведение x и y в соответствии с тем, находятся они в отношении R или нет. Различение, устанавливаемое формой, как раз и является тем общим неопределяемым, которое необходимо для понимания предложения. Как говорит Витгенштейн, «предложение должно быть понято, когда поняты все его неопределяемые. В ' aRb ' неопределяемые вводятся следующим образом: ' a ' есть неопределяемое; ' b ' есть неопределяемое; Чтобы ни могли означать ' x ' и ' y ', ' xRy ' говорит нечто

²⁶ Возможно, для Рассела это было дополнительным аргументом в пользу трактовки форм как специфических объектов, поскольку, согласно теории типов, члены отношения должны относиться к одному и тому же уровню.

²⁷ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 129.

²⁸ Там же. С. 129.

неопределяемое об их значении»²⁹. Посредством формы значение 'R' извлекается из всех возможных отношений, как посредством имени значение имени извлекается из всех возможных предметов. В отличие от значения имени значение предиката не является неопределяемым, поскольку зависит от соответствующей формы, которая предопределяет возможность такового. Но для каждого действительного отношения R эта процедура имеет психологический характер, как и непосредственное знакомство со значением имени. Действительное значение 'R' извлекается при осуществлении акта суждения, и в этом последний подобен соотносению имени со значением.

Подобное понимание роли суждения имеет определяющее значение в установлении соотношения логики и теории познания. Логика, оперируя именами, предполагает, что они непосредственно репрезентируют значение. Но характер того, каким образом конкретное имя соотносится с конкретным объектом, несомненно выходит за рамки компетенции логики. Точно так же, оперируя предикатами, логика предполагает, что в акте суждения может быть установлено конкретное значение предиката, но это опять-таки выходит за рамки компетенции логики. Установление конкретных способов корреляции имен с объектами и суждений с предикатами является предметом теории познания. В зависимости от эпистемологических предпочтений эти способы могут пониматься по-разному. Но очевидно, что логику это не интересует. Так же как особенности функционирования имен можно исследовать вне зависимости от того, как устанавливается их значение, ориентируясь только на то, что таковое должно быть, форма предложения может быть исследована до всякого акта суждения. Это показывает, что соотношение суждения и формы предложения совершенно иное, чем считал Рассел. Акт суждения не имеет никакого отношения к пониманию формы предложения, наоборот, «вопросы теории познания, относящиеся к природе суждения и веры, не могут быть решены без корректного понимания формы предложения»³⁰. Следствием такой постановки вопроса является то, что из логики должны быть элиминированы всякие теоретико-познавательные предпосылки.

Представленная выше экспозиция ясно показывает, что критическая оценка расселовской теории суждения и иное понимание функции логической формы внутренне связаны с изменением трактовки сущности предложения. В принципе, можно

²⁹ Там же. С. 122.

³⁰ Там же. С. 130.

сказать, что первое и второе взаимно имплицитуют друг друга. Подход со стороны формы и со стороны предложения есть лишь различный угол зрения на одну и ту же проблему и способы ее решения. Выбор подхода определяется сугубо методологическими предпочтениями. Теперь зайдем с другой стороны и рассмотрим, как изменяется понимание предложения.

Фундаментальная интуиция, которая лежит в основании исследования сущности предложений, состоит в том, что «предложения не являются именами»³¹. Однако сразу же возникает вопрос, что здесь понимается под именем? Вопрос совсем не прост. Ведь даже приняв именную теорию предложений, необходимо учесть, что значения предложений как имен, очевидно, отличаются от значений имен собственных. Если собственным именам соответствует то, что обычно понимается под объектами, то предложениям соответствуют либо истинностные значения, как у Фреге, либо комплексы объектов, как у Рассела. Ни истинностные значения, ни комплексы не являются объектами в обычном смысле. Различно и знаковое выражение собственных имен и предложений. Таким образом, отказывая предложениям в статусе имен, Витгенштейн, очевидно, имеет в виду не сходство знаков и не сходство объектов. О чем же тогда идет речь?

Единственно возможный ответ на этот вопрос заключается в том, что имена и предложения символизируют совершенно по-разному. «Наименование — говорит Витгенштейн — подобно указанию»³². В этом смысле имя непосредственно предъявляет нам свой объект³³. Но можно ли то же самое сказать о предло-

³¹ Там же. С. 121.

³² Там же. С. 117.

³³ Относительно теории Фреге, который считал, что собственные имена имеют смысл, требуется уточнение. В вопросе о смысле собственных имен Витгенштейн солидаризируется с Расселом, принимая его теорию дескрипций. Описательные имена не являются комплексными указаниями на объект, предъявляющими его с помощью различного смысла. Они представляют собой неполные символы, и предложения, в которых они встречаются, должны быть надлежащим образом проанализированы. Как говорит Витгенштейн, «каждое предложение, которое выглядит как предложение о комплексах, может быть посредством анализа сведено к предложению о его конституентах и о предложении, которое описывает комплекс в целом; т. е. о том предложении, которое эквивалентно высказыванию о существовании комплекса» (*Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 115*). Таким образом, описательные имена вообще не являются именами. При таком подходе отпадает необходимость приписывать смысл собственным именам, как делает Фреге, стремясь унифицировать обозначения объектов. Правда, в отличие от Рассела, Витгенштейн не утверждает, что значение имен дается в отношении знакомства. Речь

жении? Всегда ли нам известно, что значением данного предложения является именно истина или именно ложь? Всегда ли нам известно, что комплекс, соответствующий предложению, существует? Очевидно, нет. Однако это не мешает нам осмысленно оперировать предложениями. Мы можем понять предложение, даже не имея представления, имеет ли место то, что ему соответствует. «Понимать предложение — значит знать, что имеет место, когда оно — истинное. Следовательно, мы можем понимать его без знания о том, что оно — истинное»³⁴. Дело в том, что предложения, помимо значения, имеют еще и смысл. Это как раз и отличает их от имен. Смысл предложения вводится следующим образом: «Каждое предложение является существенно истинным-ложным: чтобы понимать его, мы должны знать и то, что должно иметь место, когда оно является истинным, и то, что должно иметь место, когда оно является ложным. Таким образом, предложение имеет два полюса, соответствующих случаю его истинности и случаю его ложности. Это мы называем *смыслом предложения*»³⁵. В отличие от имени, которое указывает на один объект, с каждым предложением скоординировано два факта. Один из них делает его ложным, а другой — истинным³⁶; «я понимаю предложение ‘ aRb ’, когда знаю, что ему соответствует либо факт aRb , либо факт не aRb »³⁷.

Еще одна характеристика, которая, согласно Витгенштейну, отличает предложения от имен, — их комплексность. Комплексность, о которой идет речь, отличается от той комплексности, которую имеет в виду Рассел, считая предложение именем комплекса. Точка зрения Рассела в данном пункте вообще представляется

идет лишь о том, что имя непосредственно предъявляет нам свой объект, без уточнения специфики данного отношения. Характер последнего имеет значение для теории познания, но безразличен для логики.

³⁴ Там же. С. 128.

³⁵ Там же. С. 121.

³⁶ То, что понимание не сводится к простому знанию истинности предложения, вытекает и из сущности тождества, поскольку предложение «‘ p является истинным’ $\equiv p$ » является истинным и в том случае, когда p — ложно. Кроме того, «если бы случайно предложения и справа и слева от символа \equiv оказались или оба истинными, или оба ложными, это естественно всегда имело бы место» (Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 128). В последнем случае истинность тождества устанавливалась бы независимо от того, понимаем мы предложение p или нет. Как считает Витгенштейн, для понимания предложения p требуется эквивалентность, относящаяся к его форме, т. е. затрагивающая его общие неопределяемые, т. к. именно форма определяет биполярность предложения.

³⁷ Там же. С. 128.

противоречивой. Действительно, рассматривая предложения как имена комплексов, необходимо предполагать, во-первых, что они отражают комплексность своего значения и, во-вторых, что они являются простыми, непосредственно репрезентируя свои объекты как имена. С другой стороны, если комплексность непосредственно связана с наличием объектов, репрезентируемых собственными именами, входящими в предложение, как тогда объяснить предложения, которые содержат только мнимые переменные? Такие предложения должны были бы быть простыми. Предложение типа ' $(\exists x, y) xRy$ ' нельзя было бы рассматривать как предложение в собственном смысле, поскольку оно не содержит имен объектов. Единственно разумным объяснением в рамках расселовской теории было бы рассмотрение данного предложения как имени формы. Однако возможность отрицания таких выражений показывает, что они не являются именами объектов, поскольку ставить отрицание перед именем не имеет смысла. Поэтому «предложения всегда комплексны, даже если они не содержат имен»³⁸. Это указывает на то, что они, в отличие от имен, никогда не могут вводиться как отдельные неопределяемые, как поступал Рассел. Все дело в том, что комплексные символы состоят из частей, которые могут входить в другие комплексные символы, и если бы предложения были неопределяемыми, то каждый раз одинаковая часть должна была бы вводиться вновь. В этом случае никогда нельзя было бы ручаться за то, что она обозначает одно и то же. Способ, которым вводятся неопределяемые, должен позволять конструировать из одних этих неопределяемых любое предложение, имеющее смысл.

Представленные выше объяснения Витгенштейна показывают, что предложения, как комплексные символы, состоят из неопределяемых различных видов (имена и формы) и включают определяемые элементы, каковыми являются символы свойств и отношений. Это должно объяснить символические особенности предложений, которые, помимо значения, имеют еще и смысл. Значением является «факт, который действительно соответствует предложению»³⁹. Рассматривать предложение как имя комплекса можно было бы только тогда, если бы оно являлось простой репрезентацией данного факта, но в этом случае неопределяемыми должны были бы быть предикаты, что не так. «Факты не могут быть наименованы»⁴⁰, так как в этом случае не выра-

³⁸ Там же. С. 122.

³⁹ Там же. С. 116.

⁴⁰ Там же. С. 118.

жалось бы отношение между объектами. Функцию простой репрезентации в предложении выполняют собственные имена, но предложение не сводится к их совокупности, так как между ними должна устанавливаться некоторая связь. За эту связь отвечает логическая форма, которая задает значение предиката, различая поведение объектов. Именно поэтому с предложением скоординирован не просто один факт, а факты, которые его подтверждают, и факты, которые его опровергают, что определяет смысл предложения. Если бы предложение было совокупностью имен, то подобное различие провести было бы нельзя. Класс имен не может выражать смысл, поскольку, являясь простыми указаниями, имена не могут различать никакого поведения объектов. Символ предложения должен быть объяснен так, чтобы в этом объяснении уже проглядывала возможность различения.

Возьмем предложение $'aRb'$, оно включает неопределяемые элементы $'a'$ и $'b'$, являющиеся собственными именами, и неопределяемый элемент $'xRy'$, символизирующий форму предложения. Форма, различая поведение $'a'$ и $'b'$, задает значение символа отношения $'R'$, который сам по себе значения не имеет. В $'aRb'$ $'R'$ выглядит как символ, подобный $'a'$ и $'b'$, но не является таковым. Предложение не просто указывает на факт, оно отражает поведение объектов. «В $'aRb'$ символизирует не комплекс, а тот факт, что символ $'a'$ находится в определенном отношении к символу $'b'$. Таким образом, факты символизируются фактами» (ЗЛ, С. 118 (5)). Символическая нагрузка комплексного знака $'aRb'$ не в том, что он указывает на комплекс, в котором a находится в отношении R к b , здесь символизирует именно факт, что $'a'$ находится в определенном отношении к $'b'$, т. е. факты, в которых объекты находятся в определенных отношениях, символизируются фактами, в которых в определенных отношениях находятся символы. «Предложения [которые представляют собой символы, отсылающие к фактам] сами являются фактами: чернильное пятно на этом столе может выражать то, что я сижу на этом стуле»⁴¹. Такие объекты, как чернильное пятно и стол, указывают на такие объекты как, я и стул, но символизирует здесь именно тот факт, что объекты как в первом, так и во втором случае упорядочены определенным способом. И нет никакого объекта, который соответствовал бы самому упорядочиванию, последнее полностью выражается расположением объектов. Аналогично в предложении, где есть неопределяемые (собственные имена), указывающие на объекты, и общее неопределяемое

⁴¹ Там же. С. 119.

(форма), указывающее на способ упорядочивания. Собственные имена являются содержательными компонентами предложения, форма — структурным компонентом. Первым соответствует нечто материальное, второй — нет. Что касается символа 'R', то он не является неопределяемым, а представляет собой языковую конвенцию, отражающую структурные особенности предложения, которые можно выразить иным способом, например определенным порядком собственных имен.

Таким образом, соотношение предложения и факта совершенно иное, нежели соотношение имени и объекта. По мнению Витгенштейна, данное обстоятельство скрыто двусмысленностью слова 'значение'. Говоря о том, что факт является значением предложения, можно впасть в ошибку, проводя аналогию с тем, как вещь является значением имени. Однако ни смысл, ни значение предложения не являются вещами. Факты представляют собой 'сущности' *sui generis*, которые не сводятся ни к вещам, ни к их совокупностям. На это указывает и то, что одному и тому же факту соответствуют два предложения, одно из которых истинно, а другое ложно. Один и тот же факт делает предложение 'p' истинным, а предложение 'не-p' — ложным. Ничего подобного не происходит с вещью, которой соответствует только одно собственное имя. Эту характеристику соотношения предложения и факта Витгенштейн считает главной особенностью своей теории. «В моей теории, — говорит он, — p имеет то же самое значение, что и не-p, но противоположный смысл»⁴². Действительно, то, как Витгенштейн объясняет смысл, показывает, что предложение 'p' отличает от предложения '~p' только различие в координации истинностных полюсов. Значение 'p' самого по себе и значение 'p', входящего в '~p', остается при этом тем же самым. Понимая предложение, мы знаем, что имеет место, когда оно истинно, и что имеет место, когда оно ложно. При переходе от 'p' к '~p' то, что имеет место, когда 'p' — истинно, заменяется на то, что имеет место, когда 'p' является ложным, а то, что имеет место, когда 'p' является ложным, заменяется на то, что имеет место, когда 'p' — истинно, но это не затрагивает факта, являющегося действительным значением 'p'. Данное обстоятельство отличается от соответствующего решения вопроса у Фреге и Рассела, для которых значение 'p' и '~p' различно. У первого им сопоставлены два разных объекта (Истина и Ложь), у второго им сопоставлены различные комплексы. Решение Витгенштейна отличается тем преимуществом, что оно устанавливает корреляцию истины

⁴² Там же. С. 117.

и лжи в рамках одного и того же предложения, тогда как, например, для Фреге между ними нет внутренней связи⁴³.

Здесь, правда возникает один вопрос: если ' p ' — истинно, а ' $\sim p$ ' — ложно, то их значением является действительный факт, например aRb . Но как быть, если ' p ' — ложно, а ' $\sim p$ ' — истинно, ведь в этом случае нет никакого действительного факта типа aRb , соответствующего ' p '. Эта проблема решается введением отрицательных фактов. Отрицательные факты соответствуют ложным атомарным предложениям и подтверждают их отрицания. Как говорит Витгенштейн, «существуют положительные и отрицательные факты: если предложение “Эта роза не красная” — истинно, тогда то, что оно обозначает, является отрицательным. Но наличие частицы “не” не указывало бы на это, если бы мы не знали, что значение предложения “Эта роза красная” (когда оно является истинным) — положительно. Только из обоих, отрицания и отрицаемого предложения, мы можем заключить о характере значения целого предложения»⁴⁴. Можно было бы подумать, что введение отрицательных фактов является излишним, и их следует заменить надлежащей интерпретацией положительных фактов⁴⁵. Например, можно было бы сказать, что когда мы говорим “Эта роза не красная”, то тем самым указываем на некоторый положительный факт, скажем, что эта роза белая или желтая. Но если задаться вопросом, почему именно этот факт будет опровергать предложение “Эта роза красная”, единственный аргумент, который можно привести, сводился бы к тому, что красное не есть белое или желтое. Последнее же есть

⁴³ На это обстоятельство обращает внимание Г. Бэйкер: «Фреге не проясняет *внутреннее* отношение между истиной и ложью, которое является решающим для понятия биполярности. Предположим, что мысль, выраженная посредством $\Phi(A)$, является истинной. Тогда смысл этой формулы заключается в том, что Истина является значением $\Phi(\xi)$ для аргумента A . В каком отношении эта мысль находится к Лжи? Ясно, что единственно возможный ответ состоит в том, что она не обозначает Ложь, поскольку Ложь есть нечто другое, нежели Истина. Но этот ответ бесполезен; число 2, Юлий Цезарь или пустое множество равно представляют собой вещи иные, чем истина (с точки зрения Фреге), и, следовательно, различие между Ложью и Истиной устанавливает между мыслью, что $\Phi(A)$, и Ложью связь ничуть не более близкую, чем между этой мыслью и числом 2! Тем не менее имеет место переход от мысли, что $\Phi(A)$, к Лжи через отрицание» (*Baker G. Wittgenstein, Frege and the Vienna Circle. Oxford, 1988. P. 55*).

⁴⁴ *Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 120.*

⁴⁵ Этот вопрос обсуждает Рассел и приходит к выводу, что отрицательные факты «окончательны и нередуцируемы» (см.: *Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 111*).

в такой же степени отрицательный факт, как и тот, от которого мы пытались избавиться. Точно так же не поможет замена отрицательного факта отсутствием положительного, поскольку отсутствие факта само по себе есть отрицательный факт. Таким образом, если значением ' p ' и ' $\sim p$ ' является один и тот же факт, то значением истинного ' p ' и истинного ' $\sim p$ ' являются различные факты.

Введение в предложение полюсов и признание его фактом способствует пересмотру еще одного положения Фреге. Речь идет о форме утвердительного предложения, от которой зависит 'признание предложения истинным', и трактовке знака суждения как общего всем предложениям предиката. Напомним, что, согласно Фреге, утверждение есть переход от смысла предложения к его истинностному значению. В этом случае, знак суждения выполняет роль предиката предложения типа "истинно, что p ". Прежде всего, укажем на то, что рассматривать истину как глагол предложения можно только тогда, когда предложение является именем, только в этом случае составленное из них целое будет иметь смысл. Если же предложение считать фактом, то приписывание ему предиката становится бессмысленным. Предикат может входить только в структуру самого предложения, определяя его биполярность. Как говорит Витгенштейн, «"является истинным" или "является ложным" — не глагол предложения, но все, что истинно, уже должно содержать глагол»⁴⁶. С другой стороны, если смысл определяется с точки зрения биполярности как понимание того, при каких условиях предложение является истинным, а при каких ложным, то бессмысленным становится и признание за утверждением особой функции, вводящей истину и ложь. Форма предложения указывает на то, что предложение сущностно биполярно и тем самым определяет возможность его понимания до всякого утверждающего истинностное значение акта. «Существуют только не утверждаемые предложения. Утверждение является сугубо психологическим»⁴⁷. Истинностные полюса инкорпорированы в структуру самого предложения, поэтому понимание предложения не зависит от привходящей с актом суждения утвердительной силы. Точно так же и смысл вопроса как понимание того, при каких условиях ответ будет истинным или ложным, не зависит от 'запроса', который, согласно Фреге, сопровождает вопрошание. Смысл суждения и вопроса выражен

⁴⁶ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 115.

⁴⁷ Там же. С. 118.

с помощью одной и той же логической формы. Форма предложения может быть исследована до всякого акта суждения, поэтому из области логики должна быть устранена всякая субъективная окраска предложения. «Все суждения, команды и вопросы находятся на одном и том же уровне. Логику интересуют только неутверждаемые предложения»⁴⁸.

Пересмотр концепции неопределяемых лежит в основании критики теории типов. В письме к Расселу Витгенштейн замечает: «Любую теорию типов нужно сделать излишней с помощью надлежащей теории символизма»⁴⁹. Напомним, что теория типов стремится различить неопределяемые разных видов, апеллируя к их значениям. Значения знаков вида 'a' и 'b' отличны от значения знаков вида 'f' и 'R', первые являются именами объектов, вторые — знаками свойств и отношений. Различие в типах значения накладывает ограничения на их использование. Тип знака определяется типом значения, когда устанавливается словарь. Мы говорим, что символы вида 'a' и 'b' обозначают объекты и, следовательно, принадлежат к первому типу, символы вида 'f' и 'R' обозначают свойства и отношения и, следовательно, принадлежат ко второму типу, символы вида 'Θ' и 'Ψ' обозначают свойства свойств и отношений и, следовательно, принадлежат к третьему типу и т. д. Правила образования комплексных выражений должны предопределять, какие выражения являются бессмысленными. Например, выражение 'f (f)' — бессмысленно, поскольку аргументом функции может быть либо собственное имя, либо функция более низкого порядка, но никак не сама эта функция и никакая другая функция, принадлежащая к тому же самому типу. Для Рассела тип знака не определяем, он устанавливается вместе с типом значения.

Принципиальная позиция Витгенштейна сводится к тому, что при введении неопределяемых не нужно указывать их значение, поскольку правильно установленная символическая запись сама задает правила использования знаков, нужно лишь надлежащим образом выявить правила анализа, позволяющие вычленять в предложении совокупность неопределяемых. Ошибка Рассела заключается в том, что он рассматривает знаки отношений как неопределяемые по аналогии с собственными именами. Для Витгенштейна же неопределяемыми являются имена и формы, которые имеют совершенно различный вид, и уже одно это

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Витгенштейн Л.* Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 149.

не позволяет поставить их на место друг друга. Как указывает Витгенштейн в том же письме, «если я посредством анализа привожу предложение “Сократ смертен” к ‘Сократ’, ‘смертность’ и $(\exists x, y) \in 1 (x, y)$, я хочу, чтобы теория типов сказала мне, что “смертность есть Сократ” — бессмысленно, потому что если я рассматриваю ‘смертность’ как собственное имя, нет ничего такого, что предохранило бы меня от ошибочной подстановки. Но если я посредством анализа прихожу к ‘Сократ’ и ‘ $(\exists x). x$ — смертен’ и в общем случае к ‘ x ’ и $(\exists x) \phi x$, то ошибочная подстановка становится невозможной, потому что два символа сами относятся теперь к различным видам»⁵⁰. При таком анализе апелляция к значениям становится бессмысленной.

Действительно, знаки различного вида обладают определенным сходством, собственные имена очевидно похожи. Но то, что они имеют общего, не должно вводиться до того, как вводятся сами знаки. Логическая манипуляция символами, которые способны нести смысл, должна быть независима от их значения⁵¹. От бессмысленности должна предохранять уже сама конструкция предложения, с которой только и имеет дело логика. В логике нас не интересует отношение имени или предложения к своим значениям, нас интересует только возможность таковых, которая должна предусматриваться видом самого символа. Указать возможное значение символа, если не вводить его непосредственно, можно только задав правила комбинации символа с другим символом. Таким образом, неопределяемые вводятся в знаковую систему через указание того, как они относятся к другим неопределяемым, т. е. тип символа сам не является неопределяемым, он зависит от другого неопределяемого. Неопределяемое не может просто встречаться в двух различных выражениях, оно должно входить в них одним и тем же способом. Например, вводя неопределяемое вида ‘ a ’ или ‘ b ’, мы указываем на то, что оно может занимать аргументное место в ‘ $(\exists x) \phi x$ ’, и тем самым

⁵⁰ Там же. С. 149.

⁵¹ На такую возможность указывает развитие некоторых областей знания: «Человек от природы обладает способностью к конструированию символов, в которых может быть выражен некоторый смысл, при этом не имея ни малейшего представления о том, что обозначает каждое слово. Лучший пример этому дает математика, так как человек до последнего времени использовал символы для чисел, не зная, обозначают ли они нечто или же не обозначают ничего» (Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 124). Если логика — это наука, стремящаяся прояснить функционирование знаковых систем вообще, то ее дело не только предусмотреть подобную возможность, но и сделать ее собственным методическим руководством.

задаем его понимание как собственного имени; никаким другим способом оно не может входить в другое предложение. Отсюда вытекает единственное требование: неопределяемое должно вводиться сразу во всех возможных комбинациях, в которых оно может встречаться⁵². Если вводится неопределяемая форма xRy , она должна одинаково пониматься во всех предложениях, отвечающих ее структуре (таких как ' aRb ', ' $(\exists x, y) xRy$ ' и т.п.), ее нельзя вводить сначала для одной комбинации, а затем для другой, поскольку «оставалось бы сомнительным, было ли ее значение одним и тем же и в том и в другом случаях, и отсутствовало бы основание для использования одного и того же способа комбинирования символами в обоих случаях»⁵³.

Аналогичные соображения касаются и определения типа предложения. Для Рассела тип предложения задается типом значения выражений, из которых оно построено. Субъектно-предикатное предложение, например, определяется как предложение, в котором объекту приписывается свойство, а предложение вида ' aRb ' — как предложение, в котором устанавливается отношение между двумя объектами. Для Витгенштейна тип предложения устанавливается на основе количества и характера входящих в него неопределяемых. Предложение опознается как субъектно-предикатное, если оно построено из одного имени и одной формы. Отсюда следует, что «тип предложения может быть опознан из одних его символов»⁵⁴.

Установления типа предложения из одних символов и требование полноты введения неопределяемых решают ряд проблем, в частности проблему непредикативных функций, решение которой заставило Рассела принять специальную аксиому сводимости. Как уже указывалось, непредикативная функция самореферентна, она указывает на саму себя в качестве своего возможного аргумента. Для предотвращения парадокса предложения с предикативными и непредикативными функциями разводятся Расселом по различным типам. По Витгенштейну же, при опознании типа предложения достаточно ввести тип неопределяемых. А для этого — согласно требованию

⁵² Джеймс Гриффин называет это условие «требованием полноты введения неопределяемых» (*Griffin J. Wittgenstein's Logical Atomism. University of Washington press, 1969. P. 11*).

⁵³ *Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 129.*

⁵⁴ Там же. С. 119.

полноты введения — необходимо описать вид всех символов, для которых устанавливается неопределяемая форма. Если таким образом мы вводим, скажем, имена и задаем тип соответствующего предложения, то сама форма, очевидно, не может удовлетворять описанию, и в этом случае она не самореферентна. Если же мы применяем ее к самой себе, то здесь эта форма вводится вновь и, следовательно, не является той же самой формой. Здесь может ввести в заблуждение только сходство изображения. Например, «если мы описываем *вид* символов, для которых устанавливается “ $\phi!$ ”, ... то “ $(\phi). \phi!x$ ” автоматически не может подходить под это описание, потому что оно *содержит* “ $\phi!x$ ”, а описание должно описывать ВСЕ, что символизирует символ вида $\phi!$ »⁵⁵. Все дело в том, что при введении символа мы не можем указывать на него самого, поскольку нам еще только предстоит его ввести. Когда же мы так поступаем, то получается, что предложение в скрытой форме содержит само себя. При правильном понимании неопределяемых это невозможно. «Предложение не может встречаться в себе самом. Это — фундаментальная истина теории типов»⁵⁶. Причем эта фундаментальная истина устанавливается не апелляцией к значениям символов, а исключительно из анализа особенностей знаковых изображений.

На изменении понимания сущности предложения, которое не является именем, поскольку обладает не только значением, но и смыслом, предопределенным биполярностью, основана критика концепции логических объектов. Здесь Витгенштейн отталкивается от некоторых моментов фреге-расселовского объяснения логических констант. Напомним, что трактовка логических констант как символов одноместных и двуместных функций нерасторжимо связано с пониманием предложений как имен объектов (истинностных значений, как у Фреге, или комплексов, как у Рассела), поскольку свойства могут быть только у объектов и отношения могут быть только между объектами. Но если бы это было так, тогда логические константы были бы применимы не только к предложениям, но и к собственным именам. Однако такого не происходит. Попытка приписать отрицание собственному имени или связать собственные имена логическими константами всегда приводит к выражению, лишенному смысла. «Причина, по которой “~Сократ” ничего не обозначает, состоит в том, что “~ x ” не выражает свойства

⁵⁵ Там же. С. 119.

⁵⁶ Там же. С. 119.

х». Собственные имена, сочленяясь со знаками свойств или отношений, образуют совершенно новый тип выражения, которое, согласно Витгенштейну, помимо значения, должно иметь смысл. Приписывая имени 'Сократ' предикат 'мудр', мы получаем вполне осмысленное предложение 'Сократ — мудр'. Это возможно только потому, что в дело вступает логическая форма, определяющая биполярность предложения, устанавливая, каким образом ведут себя факты.

Пример показывает, что соотношение имен объектов с символами свойств и отношений носит совершенно иной характер, нежели соотношение предложений с логическими константами. Равным образом и наоборот, бессмысленность возникает в том случае, если предложению пытаются приписать какое-то действительное свойство или связать предложения какими-то действительными отношениями, что вполне было бы возможно, если бы предложения действительно являлись именами объектов. Очевидно, однако, что «“или” и “не” и т. д. не являются отношениями в том же самом смысле, как “правое” и “левое”»⁵⁷. Последнее определяется тем, что предложения имеют не только значение, но и смысл. А значит, если мы пытаемся приписать какое-то свойство предложению, то речь должна идти как раз о смысле, т. е. о понимании того, что имеет место в случае истинности и в случае ложности предложения, а не об объекте. Это совершенно очевидно, коль скоро мы задаемся вопросом о смысле неатомарных предложений, поскольку наличие у них смысла предопределено наличием смысла у атомарных предложений. «Мы можем видеть, что $\sim p$ не имеет смысла, как раз тогда, если его не имеет p ; поэтому мы можем также сказать, что p не имеет смысла, если его не имеет $\sim p$. Этот случай совершенно отличен от случая с ϕ и a ; поскольку a обладает здесь значением независимо от ϕa , хотя ϕa его предполагает»⁵⁸. Соотношение смысла атомарных и неатомарных комплексов показывает, что логические операторы, в отличие от действительных свойств и отношений, предполагающих наличие значения у имен, не затрагивают смысла атомарных предложений. Последнее приводит к выводу, что «логические неопределяемые не могут быть предикатами или отношениями, потому что предложения благодаря смыслу не могут иметь предикатов или отношений. Ни “не”,

⁵⁷ Там же. С. 124.

⁵⁸ Витгенштейн Л. Заметки, продиктованный Дж. Э. Муру в Норвегии // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. Томск: Водолей, 1998. С. 146.

ни “или”, как и суждение, не *аналогичны* предикатам и отношениям, потому что они не вводят ничего нового»⁵⁹.

Анализ соотношения логических союзов и предложений служит и дополнительным аргументом в пользу того, что предложения не являются именами. В отношении теории Фреге утверждение о том, что предложения не являются именами истинностных значений, при характеристике логических констант получает дополнительный смысл. В том, как Фреге объяснял отрицание, существенную роль играет то, что функция, обозначенная как ‘ \sim ’, заменяет Истину на Ложь, и наоборот, а стало быть, ‘ p ’ и ‘ $\sim p$ ’ должны иметь различные значения. Для Витгенштейна же важно, что ‘ p ’ и ‘ $\sim p$ ’ имеют одинаковое значение, под которым понимается факт, делающий одно из них истинным, а другое ложным. Если учесть, что для Фреге значение целого выражения всегда находится в функциональной зависимости от значения выражений, его составляющих, получается, что знак ‘ \sim ’ вообще не имеет никакого значения, поскольку его наличие никак не отражается на значении предложения. Отсюда вытекает, что логика не должна иметь дела не только с отдельными предметами, такими как Истина и Ложь у Фреге, «но столь же мало с отношениями и предикатами»⁶⁰.

В пользу того, что не существует логических констант, говорят и некоторые особенности символических систем Фреге и Рассела. Особую роль здесь играет взаимоопределимость логических операторов, на которую указывалось выше. Поскольку ‘ \cdot ’ определимо через ‘ \sim ’ и ‘ \vee ’, а ‘ \vee ’, в свою очередь, через ‘ \sim ’ и ‘ \cdot ’ или через ‘ \sim ’ и ‘ \supset ’ (возможны и другие комбинации), что выбрать в качестве исходных неопределяемых, есть предмет произвольного соглашения. То же самое касается определмости ‘ $\exists x$ ’ через ‘ (x) ’, и наоборот. «Чередующаяся неопределяемость показывает, что до неопределяемых все же нельзя дойти»⁶¹. Это служит демонстрацией того, что, вопреки мнению Фреге и Рассела, значения логических констант не обнаруживаются, а постулируются. Но если исходные символы являются результатом конвенции, то чем в таком случае были бы их значения, ведь объекты, уже в силу того, что они объекты, не могут зависеть от произвольного соглашения. Витгенштейн считает, что

⁵⁹ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 122.

⁶⁰ Там же. С. 121.

⁶¹ Там же. С. 121.

«возможность перекрестного определения старых логических неопределяемых, сама по себе показывает, что они не являются настоящими неопределяемыми, и даже более убедительно, что они не обозначают отношений»⁶². В пользу точки зрения Витгенштейна говорят и особенности функционирования отрицания. В системах Фреге и Рассела обоснован переход от ' p ' к ' $\sim\sim p$ ' и от ' $\sim\sim p$ ' к ' p ', которые рассматриваются как законы введения и снятия двойного отрицания. В этом смысле знаки ' p ' и ' $\sim\sim p$ ' можно рассматривать как тождественные. Но чем тогда могло бы быть значение отрицания? Во всяком случае, оно не является объектом, поскольку, если бы это было так, то указанные символы должны были бы иметь различное значение. Но в случае двойного отрицания знак ' \sim ' просто исчезает. Ничего подобного не происходит в случае приписывания предиката собственному имени. Переход от ' a ' к ' $\phi\phi a$ ' или от ' $\phi\phi a$ ' к ' a ' невозможен при любом ' ϕ ' и при любом ' a '. Это показывает, что отрицание имеет совершенно иной характер, нежели предикат, и не может трактоваться как одноместная функция или свойство. Несмотря на то, что в ' $\sim p$ ' ' \sim ' выглядит как ' ϕ ', это символы различной природы.

Высказанные соображения приводят Витгенштейна к выводу, что «логических констант быть не может. Довод против них — всеобщность логики; логика не может трактовать о специальном множестве предметов»⁶³.

Естественное следствие, вытекающее из несуществовании логических объектов, говорит о том, что бессмысленно рассматривать логические операторы и кванторные выражения так, как это делают Фреге и Рассел. Роль соответствующих символов нельзя прояснить с помощью анализа того, что они обозначают. Они не являются знаками специфических истинностно-истинностных функций и, следовательно, не могут рассматриваться как логические константы, т. е. как имена специальных объектов. Конечно, выражения, соответствующие логическим операторам, присутствуют в любом языке, поскольку способность выразить соотношение истинностных значений предложений является его необходимой чертой. Логика, создавая искусственный язык, лишь стремится прояснить соответствующие взаимосвязи свободным от эквивокаций образом. Но это отнюдь не означает, что знаки, полученные в результате формализации, должны трактоваться некоторым

⁶² Там же. С. 124.

⁶³ Там же. С. 121.

одинаковым способом, как это предлагают Фреге и Рассел. То, что в результате отвлечения от смысла языковых выражений возникает представление об универсальных способах отношения между предложениями, еще не должно служить основанием для введения сходного символического изображения. Как раз наоборот, то, что имеются выражения, приспособленные служить для обозначения соотношений, которые по характеру отличаются от всех других, должно служить предостережением против единообразной трактовки знаков. Но здесь как раз и возникает ловушка. Предложенный Фреге и Расселом язык требует введения особых элементов для характеристики логических связей. Введение знаков для отношений и свойств скрывает существо дела, поскольку символы не всегда действительно являются тем, чем кажутся. Основанием смешения здесь является то, что символы типа ' $p \vee q$ ' и ' $\sim p$ ' выглядят вполне подобными символам ' aRb ' и ' ϕa ', и если при истолковании последних ' R ' и ' ϕ ' естественно склоняются трактовать как символы для отношения и свойства соответственно, то переносить это на ' \vee ' и ' \sim ' совершенно необоснованно. Это вводит в заблуждение, поскольку логические знаки пытаются интерпретировать по аналогии с нелогическими, что и приводит к неадекватным результатам.

Кроме того, по мнению Витгенштейна, рассмотрению логических элементов знаковой системы как обозначений логических объектов способствует несовершенство предлагаемой символики, которая не удовлетворяет принципу тождественности смысла, закрепленного за одним и тем же знаком. В частности, это касается теории Фреге, для которого различные знаки, указывающие на одно и то же значение, должны иметь различный смысл. Но последнее условие как раз и не выполняется. Витгенштейн утверждает: «Если $p = \text{не-не-}p$ и т. д., это показывает, что традиционный метод символизма ошибочен, поскольку он допускает многообразие символов с одним и тем же смыслом; отсюда следует, что при анализе таких предложений мы не должны руководствоваться расселовским методом символизации»⁶⁴. Упоминание о 'расселовском методе символизации' указывает лишь на то, что и для Рассела, который не допускает такой сущности, как смысл, различные знаки, поскольку они различны, должны иметь разное значение. Однако дело в том, что символическую нагрузку несет не каждая особенность символа. Возьмем, например, ' $\sim\sim p$ '. Если бы каждый компонент

⁶⁴ Там же. С. 126.

данного комплексного символа имел значение, как полагали Фреге и Рассел, тогда в нем должно было бы встречаться $\sim p$. Но поскольку $\sim\sim p$ тождественно p , то $\sim p$ должно было бы входить в p , что, очевидно, не так. Витгенштейн же считает, что если различным молекулярным функциям приписывается одно и то же значение, в них должно символизировать одно и то же.

Использование традиционных обозначений, таких как \supset , \vee и \sim , скрывает тождество и различие в методах символизации, заставляя думать, что p , $\sim\sim p$, $\sim\sim\sim p$ являются различными предложениями, связанными между собой отношением следования. То же самое касается отношения p к предложениям вида $p \vee p$ или $p \vee \sim\sim p$. Каким образом можно объяснить существование такого многообразия знаков, не отличающихся друг от друга материальной информацией, если считать логические операторы константами? «Одна из причин, чтобы считать старую систему записи ошибочной, связана со значительной неправдоподобностью, что из каждого предложения должно следовать бесконечное число других предложений, таких как не-не-р, не-не-не-не-р и т. д.»⁶⁵.

Наличие в языке логических операторов еще не означает, что их символическая нагрузка аналогична символической нагрузке имен объектов и имен функций. Способ обозначения логических операторов должен быть совершенно иным, чем у символов другого рода. Соответственно, должен существовать и некоторый метод обозначения, который был бы свободен от недостатков метода Фреге и Рассела. На то, что такой метод вполне возможен, указывает уже то, как традиционно объясняются логические операторы. «Сама возможность того, как Фреге объясняет “не-р” и “если p , то q ”, из чего следует, что “не-не-р” обозначает то же самое, что и “ p ”, делает вероятным существование некоторого метода обозначения, в котором “не-не-р” соответствует тот же символ, что и “ p »⁶⁶. В Заметках по логике Витгенштейн разрабатывает основы такого символизма, основанного на би-полярности предложений (*ab*-запись), который в *Трактате* разовьется в таблицы истинности.

Решение вопроса о символической нагрузке логических операторов у Витгенштейна базируется на его общей позиции, что предложения не являются именами (истинностных значений или комплексов). Это затрагивает как простые предложения,

⁶⁵ Там же. С. 115.

⁶⁶ Там же. С. 125.

так и сложные, где последние включают помимо простых предложений логические операторы. Такое решение вопроса не укладывается в концепции Фреге и Рассела, для которых сложные предложения также являются именами. Первый считает, что значение подобного имени находится в функциональной зависимости от истинностных значений простых предложений и значения логической константы. Второй говорит о том, что значение сложного предложения включает атомарные комплексы и логический объект, а потому, в свою очередь, является комплексным объектом, образующим значение комплексного имени. Для Витгенштейна же сложное предложение не является именем, так же как и простое. Фундаментальное решение вопроса, что факты символизируются фактами, распространяется и на сложные предложения. Правда, если для простых предложений таким фактом служит особое соотношение имен объектов, то для сложных предложений в качестве факта выступает соотношение полюсов предложения. Предложения биполярны, т. е. могут быть как истинными, так и ложными. Но если для простых предложений возможность предложения быть истинным и ложным предопределяет то, каким образом ведут себя факты согласно логической форме, устанавливающей соотношение объектов, соответствующих собственным именам, которые входят в предложение, то для сложных предложений таким фактом служит соотношение истинностных полюсов сложного предложения с истинностными полюсами простых предложений, из которых оно построено. Предложение ' p ' Витгенштейн предлагает записывать как $a-p-b$, где a и b суть полюса, указывающие на биполярность предложения, тогда «символизирующий факт в $a-p-b$ есть то, что говорит о том, что a находится слева, а b — справа от p »⁶⁷. Полюса предложения несут функциональную нагрузку, но не вводят в знак ничего нового, их смысл полностью предопределен смыслом самого предложения. «Смысл ab -функции предложения p есть функция смысла предложения p »⁶⁸. Соотношение истинностных полюсов предложений при любой интерпретации имеет совершенно иной характер, чем соотношение объектов в предложении, а значит, ab -функции требуют иной интерпретации, чем обычные отношения и свойства. Полюса отражают возможность истинностно-истинностных преобразований. Этим их логическая форма отличается от логической

⁶⁷ Там же. С. 116.

⁶⁸ Там же. С. 128.

формы простых предложений. Повторим еще раз: если форма простого предложения задает образец различения фактов, образованных значениями имен, из которых оно построено, то форма сложного предложения — это образец различения фактов, которыми являются сами предложения. «*ab*-функции используют различение фактов, которое выдвигают их аргументы, для того чтобы произвести новые различения»⁶⁹. Рассмотрим, как это осуществляется⁷⁰.

Итак, с каждым предложением p Витгенштейн соотносит полюса a и b , записывая его как $a-p-b$. Соотнесение произвольно, но если порядок полюсов зафиксирован, то его необходимо придерживаться в дальнейшем. Так, например, если $a-p-b$ говорит p , то $b-p-a$ не говорит ничего, этот символ не является отрицанием p . Что же является отрицанием? При объяснении отрицания необходимо руководствоваться положением, которое Витгенштейн считает фундаментальным: «В $не-p$, p — в точности то же самое, как если бы оно стояло одно»⁷¹. Характер отрицания проясняется, если учесть, что в качестве значения предложениям p и \sim соответствует один и тот же факт, который одно из них делает истинным, а другое ложным⁷². Поэтому можно сказать, что смысл отрицания состоит в изменении полюсов предложения. Внутренний, т. е. относящийся непосредственно к предложению p , полюс a меняется на b , а полюс b на a . Таким образом, собственный знак для отрицания представляет собой $b-a-p-b-a$ ⁷³.

⁶⁹ Там же. С. 129. Согласно данному замечанию, можно установить, каким образом приобретают значение логические операторы, хотя у Витгенштейна и отсутствует эксплицитная формулировка этого процесса. Так же как значение символов свойств и отношений извлекается из различения поведения объектов, так и значение логических операторов извлекается из различения поведения фактов (т. е. предложений) согласно логической форме. Таким образом, логические операторы не являются неопределяемыми в том смысле, который им придавал Рассел.

⁷⁰ Фрагментарность *Заметок по логике* и других материалов, где используется *ab*-запись не позволяет рассмотреть ее во всех деталях. Однако ее основные черты реконструируются достаточно четко.

⁷¹ Там же. С. 118.

⁷² Отрицание скоординировано с предложением уже потому, что предложение биполярно. Понимая предложение, мы, в том числе, знаем, при каких условиях оно ложно, а утверждение ложности предложения равносильно его отрицанию. Поэтому «для понимания предложения p недостаточно знать, что p влечет “ p является истинным”, мы должны также знать, что $\sim p$ влечет “ p является ложным”. Это показывает, что предложения — би-полярны» (Витгенштейн Л. Заметки по логике // Там же. С. 116).

⁷³ При введении отрицания можно, правда, попытаться обойтись без *ab*-функций. В этом случае $\sim p$ рассматривалось бы как противоположность p , «где

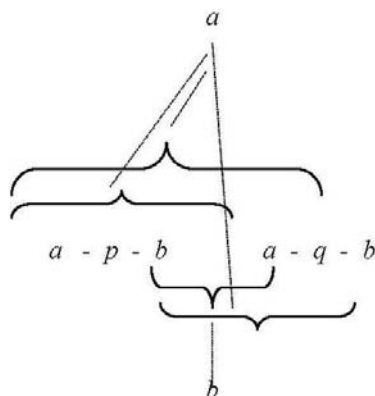
Символ же вида $a-a-p-b-b$ есть тот же символ, что и $a-p-b$; поскольку здесь новые полюса относятся к той же стороне p , что и старые, смысл предложения не изменяется и ab -функция исчезает автоматически. Таким образом, ab -запись устанавливает соответствия новых полюсов с исходными полюсами. «Все содержание этой записи сводится к установлению соответствия внешних полюсов с полюсами атомарных предложений»⁷⁴. Поскольку ab -функции атомарных предложений сами представляют собой предложения, а стало быть, являются биполярными, на них также можно осуществлять ab -операции. В этом случае устанавливается соответствие новых внешних полюсов при посредстве предшествующих внешних полюсов с внутренними полюсами атомарных предложений. При этом соответствие самых внешних и самых внутренних полюсов является транзитивным и символ не изменяется в зависимости от того, каким образом, т. е. через какие полюса, новый полюс a соотносится с внутренним a . Например, символ вида $a-b-a-p-b-a-b$ есть тот же самый символ, как $a-p-b$.

Аналогичные соглашения касаются логических операций, относящихся к нескольким простым предложениям. Пусть дано

“противоположность” была бы тогда неопределяемым отношением» (*Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 131*). Но, как считает Витгенштейн, такая попытка всегда оканчивается неудачей. В *Заметках по логике* аргументация, оправдывающая его точку зрения, отсутствует. Однако некоторые соображения в ее пользу можно найти в работах Рассела, содержание которых отчасти инспирировано взглядами Витгенштейна (см.: *Рассел Б. Философия логического атомизма. С. 112*). Когда отрицание вводят через отношение противоположности, обычно имеют в виду, что, отрицая некоторое предложение, мы на самом деле утверждаем предложение, которое ему противоположно. Возражения Рассела касаются затруднений, связанных с установлением того факта, что противоположные предложения не могут быть одновременно истинными. Поскольку “противоположность” — неопределяемое отношение, в установлении этого факта не должно встречаться отрицание. Единственно возможный способ обойтись без частицы ‘не’ связан с введением формы типа следующей: «То, что противоположно одновременной истинности противоположных предложений, является истинным». Кажется, что представленная форма обходит затруднение, здесь действительно отсутствует отрицание. Однако в ней также нет и ничего такого, что препятствовало бы признанию истинными как обоих противоположных предложений, так и самой этой формы. Ссылка на очевидную невозможность последнего проблемы не решает, поскольку, утверждая, что этого не может быть, мы опять вводим отрицание. Попытка аналогичным образом избавиться от этого нового отрицания лишь возрождает проблему на следующем уровне. И так до бесконечности. Таким образом, введением неопределяемого отношения от ab -функций избавиться нельзя.

⁷⁴ *Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 116.*

n предложений. Тогда из n членов, каждый из которых является полюсом одного из n предложений (при этом каждый член относится только к одному из предложений), образуется n^2 классов полюсов. Затем с каждым классом полюсов соотносится один из двух новых полюсов a или b . Например, символ

можно рассматривать как соответствующий предложению ' $p \supset q$ '. Здесь внешний полюс a соотнесен с классами полюсов $\{aa\}$, $\{ab\}$ и $\{bb\}$, а внешний полюс b соотнесен с классом $\{ba\}$; если полюс a интерпретировать как истину, а полюс b как ложь, то это вполне будет соответствовать объяснению, которое Фреге и Рассел дают условной связи.

Запись, разработанная Витгенштейном, позволяет снять указанные выше проблемы, касающиеся многообразия символов с одним и тем же смыслом. К примеру, возьмем ' p ', ' $\sim\sim p$ ', ' $\sim\sim\sim p$ ' и т. д. В каком смысле их можно рассматривать как тождественные? С точки зрения аб-функций предложению ' p ' соответствует символ $a-p-b$, предложению ' $\sim\sim p$ ' — символ $a-b-a-p-b-a-b$, а предложению ' $\sim\sim\sim p$ ' — символ $a-b-a-b-a-p-b-a-b-a-b$. Согласно установленным правилам все эти символы являются одинаковыми, поскольку одинаково то, что в них символизирует. А именно, в них символизирует факт, что внешние полюса относятся к p одним и тем же способом. Аналогичным образом аб-запись молекулярных предложений (таких как ' $p \supset q$ ', ' $p \vee q$ ' и т. п.) позволяет снять проблему с тождественностью ' p ', ' $p \vee p$ ', ' $p \vee \sim\sim p$ ' и т. п., поскольку демонстрирует тождественность символизирующих в них фактов.

аб-запись позволяет по-новому охарактеризовать и ряд других проблем, в частности проблему неопределяемых. Один из существенных моментов теории неопределяемых состоит в том, что неопределяемые логики должны быть независимы друг от друга. Однако аб-запись молекулярных предложений показывает зависимость логических операций (например, \cdot и \sim) друг от друга в определении соотношения полюсов предложения, что

показывает, например, ab -функция, соответствующая штриху Шеффера. Тем самым они не могут употребляться в качестве неопределяемых одновременно, как делал Рассел. То же самое касается и других, выбранных в качестве исходных, операций (скажем, \supset и \sim у Фреге). Из возможности выразить различные комбинации логических операций с помощью одной ab -функции и их взаимозаменяемости к тому же следует, что совокупность логических операторов не является комплексным символом, как можно было бы подумать, если рассматривать их в качестве логических констант. Комбинации символов ' $\sim\sim$ ' в ' $\sim\sim p$ ' или ' $\vee\sim$ ' в ' $p\vee\sim q$ ' не соответствует ничего комплексного; она просто отражает общий способ соотнесения истинностных полюсов. Сходные проблемы возникают и в области общих предложений. «В случае мнимых переменных по отношению к старым неопределяемым — те же самые возражения, что и в случае молекулярных функций. Применение ab записи к предложениям с мнимыми переменными проясняется, если мы заметим, что предложение “для всех x , ϕx ”, например, должно быть истинным, когда ϕx истинно для всех x , и ложным, когда ϕx — ложно для некоторого x . Мы видим, что *некоторый* и *все* одновременно встречаются в записи, подходящей для мнимой переменной. Такая запись представляет собой для (x) $\phi x: a \text{ — } (x) \text{ — } .a \phi x b. \text{ — } (\exists x) \text{ — } b$, а для $(\exists x) \phi x: a \text{ — } (\exists x) \text{ — } .a \phi x b. \text{ — } (x) \text{ — } b$ »⁷⁵. Выражения общности, таким образом, трактуются Витгенштейном с точки зрения соотнесения внешних и внутренних полюсов предложения, т. е. на одном уровне с логическими связками. Отсюда вытекают два важных следствия. Во-первых, выражения общности не могут трактоваться как неопределяемые особого рода и, следовательно, не являются константами. В частности, в качестве значения им не соответствует некая второурядковая функция, как считал Фреге. Во-вторых, предложения общности (или с мнимыми переменными) не являются принципиально отличными от предложений других видов, как считали и Фреге, и Рассел. А значит, их можно построить способом, единообразным со способом построения всех других предложений. Последняя идея найдет свое полное выражение в *Трактате*.

Поскольку ab -запись позволяет унифицировать рассмотрение всех неатомарных предложений, постольку в области логических операций возникает возможность по-новому поставить проблему неопределяемых. Так как ab -функции атомарных предложений сами являются биполярными предложениями, на них вновь

⁷⁵ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 118.

можно осуществлять *ab*-операции. Причем ввиду транзитивности соответствия внешних полюсов с внутренними совершенно безразлично, какими будут опосредующие полюса; как уже говорилось, символизирующий факт от этого не меняется. Отсюда вытекает, что можно найти такую *ab*-функцию, повторное применение которой образовывало бы все возможные *ab*-функции. Тогда можно ввести общность *ab*-функций как общность всех тех функций, которые образованы применением данной функции. Такая функция соответствует, например, штриху Шеффера ' $p|q$ ' (т. е. ' $\sim p \cdot \sim q$ '). Действительно установлено, что всякая логическая операция может быть заменена повторным применением штриха Шеффера. Означает ли это, что символ '|' должен рассматриваться как неопределяемая константа, в смысле Фреге и Рассела? Нет. «Функция $p|q$ есть просто механическое приспособление для конструирования всех возможных *символов ab*-функций. Нам необходимо правило, в соответствии с которым мы можем образовать все символы *ab* функций для того, чтобы быть в состоянии сказать об их классе; и теперь мы говорим о них, например, как о тех символах функций, которые могут быть образованы повторным применением операции '|'. И теперь мы говорим: Для всех p и q , $p|q$ говорит нечто неопределяемое о смысле тех простых предложений, которые содержатся в p и q »⁷⁶. Таким образом, символ '|' есть лишь приспособление для унификации символизирующих фактов в *ab*-функциях. Он не несет никакой материальной информации и не обозначает какого-либо особого логического объекта.

Таким образом, *ab*-запись обосновывает основную идею Витгенштейна, что «молекулярные предложения не содержат ничего такого, что не содержалось бы в их атомах; они не добавляют материальной информации сверх той, что заключена в их атомах»⁷⁷. То же самое касается общих предложений, поскольку их понимание очевидно зависит от понимания атомарных предложений. Разработка адекватного символизма для логических операций подтверждает априорную правдоподобность того, что «введение атомарных предложений фундаментально для понимания всех других видов предложений»⁷⁸. На это можно было бы возразить, что тогда предложения ' $p \cdot q$ ' и ' $p \vee q$ ' должны быть одинаковыми, поскольку одинаковы факты, которые соответствуют ' p ' и ' q ' в действительности и делают их истинными или ложными. Однако это было бы оправданным только в том случае, если бы

⁷⁶ Там же. С. 126.

⁷⁷ Там же. С. 121.

⁷⁸ Там же. С. 130.

предложения имели только значение. Возражение снимается тем, что предложения имеют еще и смысл. Предложениям ' $p \cdot q$ ' и ' $p \vee q$ ' соответствуют не просто отдельные факты, а классы фактов, что обнаруживается при введении ab -функций, и класс фактов, делающий истинным ' $p \cdot q$ ', очевидно отличается от класса фактов, делающего истинным ' $p \vee q$ '. Поэтому хотя логических объектов и не существует, указанные предложения являются различными, только различие касается не материальной информации, а способов согласования их истинностных значений.

Отсюда вытекают важные онтологические следствия. Приписывая значения логическим константам, Фреге и Рассел подразумевали, что неатомарные предложения сообщают нам о мире нечто новое, поскольку включают такие элементы, которые имеют собственное содержание и не входят в атомарные предложения. Витгенштейн же утверждает, что «что бы ни соответствовало в реальности составным предложениям, оно не должно быть больше того, что соответствует составляющим их отдельным атомарным предложениям»⁷⁹. Последнее определяет специфику логического исследования. Логика не сообщает нам никакой материальной информации о мире, поскольку ее предметом не являются какие-то объекты. Материальная информация содержится в атомарных предложениях, истинность и ложность которых установлена. Но, очевидно, не дело логики устанавливать, какие именно атомарные предложения являются истинными или ложными, поскольку она имеет дело не со значениями предложений (фактами), а с их смыслом, т. е. возможностью быть истинными и ложными. Поскольку «если бы мы образовали все возможные атомарные предложения, то мир был бы полностью описан, если бы мы установили истинность или ложность каждого»⁸⁰, постольку логика не имеет отношения к описанию мира. Она не является наукой, аналогичной другим наукам.

Следствием изменения понимания сущности предложения и упразднения логических констант был пересмотр характера предложений логики. Витгенштейн утверждает, что «правильное объяснение должно дать логическим предложениям исключительное положение, противоположное всем другим предложениям»⁸¹. Согласно переписке с Расселом одна из первоначальных интуиций, инициировавших поиски, была связана с тем, что предложения логики содержат только мнимые переменные. Эта

⁷⁹ Там же. С. 121.

⁸⁰ Там же. С. 127.

⁸¹ Там же. С. 131.

идея тесно связана со способами записи предложений логики, которые использовали Фреге и Рассел. Стремясь установить всеобщность логических законов, они употребляли действительные переменные. Фреге, например, вводя буквы для обозначения предложений, оправдывался тем, что они должны служить для выражения всеобщности. Еще более свободно действительные переменные применял Рассел, формулируя с их помощью ряд специальных аксиом, например аксиому сводимости. С точки зрения Витгенштейна, такой способ употребления переменных приводит как минимум к двум неприемлемым следствиям. Во-первых, использование действительных переменных вместо имен вызывало впечатление, «как если бы логика имела дело с предметами, лишенными всех свойств, кроме комплексности»⁸²; а это влечет ошибочное мнение, что логика несет определенную материальную информацию, заключенную в ее предложениях. Во-вторых, использование действительных переменных вносило путаницу в различение логических форм и предложений, хотя, с точки зрения и Фреге, и Рассела, это различие фундаментально. В отличие от предложения, логическая форма не может иметь истинностного значения, что как раз и определяется входящими в нее неопределенными элементами. Логическая форма указывает на соответствующую функцию, где с помощью переменных отмечены аргументные места. Чтобы получить предложение, должна быть определена область значения аргументных мест либо с помощью имен, либо с помощью кванторов. Поскольку предложений, содержащих действительные переменные, не существует, постольку, считает Витгенштейн, «символы, называемые предложениями, в которых “встречаются переменные”, на самом деле вообще не являются предложениями, но только схемами предложений, которые становятся предложениями только тогда, когда мы заменяем переменные константами. Нет предложений, выраженных посредством “ $x = x$ ”, так как “ x ” не имеет значения. Но есть предложение “ $(x).x = x$ ” и есть такие предложения, как “Сократ = Сократ” и т. д. В книгах по логике не должны встречаться переменные, но только общие предложения, оправдывающие использование переменных»⁸³. Это наблюдение имеет радикальное следствие для интерпретации логических предложений. Возьмем, например, аксиому сводимости. В расселовской формулировке она говорит, что произвольно взятой функции соответствует некоторая предикативная функ-

⁸² Там же. С. 131.

⁸³ Там же. С. 123.

ция. Поскольку в этой формулировке аксиомы присутствует действительная переменная, указывающая на произвольно взятую функцию, постольку, согласно Витгенштейну, она не может считаться настоящим предложением, а представляет собой только схему. Предложением данная аксиома стала бы только тогда, когда означенную функцию можно было бы превратить в мнимую переменную с помощью знака всеобщности. Только в этом случае из нее можно было бы вывести какие-то другие предложения. Однако если, следуя этому требованию, в формулировку ввести всеобщность, аксиома приобретает несколько другое содержание, поскольку утверждает, что всякой функции соответствует некоторая предикативная функция. Но последнее утверждение если и можно использовать, то только в ином смысле, чем первоначальную аксиому сводимости. Указывая на этот факт в одном из писем к Расселу, Витгенштейн вообще сомневается в оправданности этой аксиомы, в частности, он пишет: «В целом же аксиома кажется мне в настоящий момент просто жонглерским трюком»⁸⁴.

Еще один важный пункт для понимания переменных относится к трактовке сущности логической формы, которая определяет биполярность предложения. Логические законы (типа закона исключенного третьего или недопущения противоречия) в объяснении Фреге и Рассела являются существенно истинными, что вытекает из объяснения смысла логических констант⁸⁵. Для Витгенштейна это служит свидетельством, что логические предложения в старой записи не являются предложениями в собственном смысле, поскольку предложения биполярны, т. е. могут быть как истинными, так и ложными. «Бессмысленны знаки, имеющие форму " $p \vee \sim p$ ", но не предложение " $(p) p \vee \sim p$ ". Если я знаю, что эта роза — либо красная, либо не красная, я не знаю ничего»⁸⁶. Форма $p \vee \sim p$ не имеет значения, поскольку соответствующая ей функция, которая должна, подобно линии, разделять точки на плоскости на правые и левые, этого не делает. Она указывает на единственно возможное истинностное значение и в этом отношении вполне аналогична имени. Конечно, если считать предложения именами, то в этом нет ничего страшного. Более того, такая позиция

⁸⁴ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 150.

⁸⁵ Фреге, например, объясняет предложение $\vdash p \supset (q \supset p)$, апеллируя к очевидности выраженного в нем содержания, и утверждает, что оно не может быть ложным.

⁸⁶ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 128.

оправдывает введение таких логических объектов, как истина и ложь, поскольку ничего другого нельзя предложить в качестве значения логических предложений. Но предложения не имена, а факты. И если законы логики все-таки являются предложениями, в их структуре должна быть предусмотрена возможность различения. В *Заметках по логике* Витгенштейн видит решение проблемы в введении общности. Предложение ‘ $(p) p \vee \sim p$ ’ не бессмысленно, поскольку содержит не бессмысленную функцию ‘ $p \vee \sim p$ ’, а функцию ‘ $p \vee \sim q$ ’. При этом данное предложение, видимо, должно пониматься не относительно фактов, а относительно самих предложений. В нем не содержится утверждений типа “Эта роза — либо красная, либо не красная”. Оно говорит, что каждое предложение является либо истинным, либо ложным.

Пересмотр характера логических предложений сопровождается пересмотром их функции. Рассматривая теорию Фреге, мы уже указывали, что для него предложения логики выступают способами оправдания дедукции. В этом смысле они представляют собой нечто иное, как предписания, устанавливающие возможную связь предложений, отталкиваясь от смысла логических союзов. Витгенштейн же считает, что «дедукция протекает только в соответствии с законами дедукции, но эти законы не могут оправдать дедукцию»⁸⁷. В утверждении, что законы дедукции не могут оправдать дедукцию под ‘оправданием’, видимо, подразумевается то, как соотносятся научный закон и предложение, описывающее отдельный факт. Когда мы говорим, что тело a притягивается к телу b с силой F , то истинность данного утверждения мы оправдываем ссылкой на закон гравитации. В этом случае первое и второе связаны законом достаточного основания в форме: “Истинность закона обеспечивает истинность его частных случаев”. Материальная информация закона имплицитно здесь материальную информацию предложения о факте. Если принять точку зрения Фреге на логические предложения, то же самое можно было бы сказать о законах дедукции. Их содержание, связанное с установлением смысла логических функций, оправдывает частное применение последних в выводах различного рода⁸⁸. Именно поэтому, как указывалось выше, истину, заключенную в каком-либо виде умозаключения, можно высказать одним суждением в следующей форме: “Если имеет место M и если имеет место N , то имеет место и L ”. Истинность

⁸⁷ Там же. С. 115.

⁸⁸ В качестве примера можно указать на то, как Фреге оправдывает введение правила вывода *modus ponens*, отталкиваясь от свойств условной связи.

данного суждения, по Фреге, служит достаточным оправданием соответствующего вывода. Таким образом, материальная информация о логических функциях, заключенная в предложениях логики, оправдывает возможность соответствующей логической связи, и в этом смысле закон дедукции служит достаточным основанием самой дедукции. На основании текста *Заметок по логике* трудно решить, имел ли в виду Витгенштейн именно такую интерпретацию⁸⁹ и если — да, то на каких именно доводах основывалась его критика, но если данное понимание его мысли верно, то можно привести еще один аргумент в пользу того, что такой способ оправдания никакой роли в логическом выводе не играет. Этот аргумент основан на парадоксальном результате, который получен Л. Кэрролом⁹⁰, и демонстрирует независимость процедуры вывода от ‘оправдывающего’ его закона дедукции.

Л. Кэррол рассуждает следующим образом. Предположим, даны две посылки p , q и заключение r . Если формулировка посылок удовлетворяет структуре вывода, которая признается правильной, мы обязаны, при условии истинности p и истинности q , признать истинность r . Запишем этот вывод в форме “ $p, q \mid - r$ ”. Однако поскольку в данном случае ничто не мешает тому, чтобы признать истинность посылок, отказываясь признать истинность заключения, необходимость логического вывода должна быть основана на признании истинности условного высказывания “Если p и q истинны, то r истинно”. Таким образом, в структуру вывода мы обязаны ввести еще одну посылку, имеющую форму приведенного выше условного высказывания (обозначим ее “ s ”). Таким образом, предполагаемый логический вывод приобретает форму “ $p, q, s \mid - r$ ”. Однако достоверность данного вывода по аналогии с предыдущей процедурой мы должны основать на признании истинным следующего условного высказывания: “Если p, q, s истинны, то r истинно”, которое, в свою очередь, также должно рассматривать как посылку интересующего нас вывода. Следовательно, первоначальный вывод мы должны (если вновь полученное условное высказывание обозначить как “ t ”) записать в форме “ $p, q, s, t \mid - r$ ”. Как видно, этот процесс может быть продолжен до бесконечности. Парадоксальный результат в данном случае связан с бесконечным регрессом в стремлении получить

⁸⁹ В пользу этой точки зрения говорит то, что Витгенштейн стремится доказать, что «логика должна оказаться наукой совершенно иного типа, чем все другие науки», в том числе и по способу оправдания используемых процедур.

⁹⁰ Кэрролл Л. Что черепаха сказала Ахиллу // Кэрролл Л. История с узелками. М.: Мир, 1973. С. 368–372.

хоть какой-нибудь вывод, если мы принимаем логическое предложение, оправдывающее вывод, в качестве одной из посылок самого этого вывода, что мы обязаны были бы сделать, если бы вместе с Фреге рассматривали законы дедукции как достаточное основание самой дедукции, признавая наличие заключенной в них материальной информации.

Кроме того, законы дедукции не являются примитивными предложениями логики и в том смысле, в котором примитивными предложениями геометрии являются аксиомы геометрии. Аксиомы геометрии фиксируют значение ‘примитивных понятий’ (точка, прямая, плоскость и т.п.), которое раскрывается в теоремах. В этом смысле аксиомы геометрии также оправдывают теоремы, поскольку в последних только раскрывается то, что заложено в первых. Что касается законов дедукции, то единственное, что они могли бы фиксировать, — это значение логических констант, но таковых, согласно Витгенштейну, не существует.

В пользу того, что предложения логики не являются примитивными, говорит и тот факт, что совокупность аксиом выбирается произвольно. Один и тот же вывод может быть ‘оправдан’ с помощью различных исходных утверждений. С другой стороны, одно предложение может быть выведено из других различными способами. Все это свидетельствует об относительной взаимозависимости законов дедукции и самой дедукции и говорит о том, что систематическая связь истин, проявленная в логике, должна пониматься совершенно иначе, чем это было у Фреге и Рассела. «Логические выводы действительно могут быть сделаны в соответствии с фрегевскими или расселовскими законами дедукции, но это не может оправдывать вывод; следовательно, они не являются примитивными предложениями логики. Если p следует из q , оно может также быть выведено из q , а “способ дедукции” безразличен»⁹¹.

Существенной чертой *Заметок по логике* является и то, что предпринятый анализ приводит к изменению в понимании природы всего философского знания. Несмотря на то, что отдельные положения выглядят вполне аналогичными пониманию Рассела, контекст указывает, что интерпретироваться они должны совершенно иначе. Характеризуя структуру философии, Витгенштейн говорит: «Она включает логику и метафизику; логика — ее основа»⁹². Это положение, которое в рамках расселовской философии выглядит

⁹¹ Витгенштейн Л. Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 123.

⁹² Там же. С. 130.

декларативно, так как логика ставится в зависимость от онтологических предпосылок, в частности связанных с теорией типов и теорией логических объектов, в контексте *Заметок по логике* получает вполне конкретный смысл. Анализ специфики знаковых изображений приводит к устранению допущений, характеризующих структуру мира. Новое понимание неопределяемых не выходит за рамки символической комбинаторики; от бессмысленности должна предохранять структура самого языка, а не структура мира. Логика указывает на возможность онтологических импликаций, но не ее дело судить о том, действительно ли мир является таковым, каков он есть. Еще более решительно Витгенштейн высказывается за отказ от эпистемологических предпосылок, которые у Рассела связаны с теорией суждения и концепцией непосредственного знакомства. Теория познания не может мотивировать логические исследования; она проходит по разряду частных философских дисциплин; «теория познания есть философия психологии»⁹³. Тем более невозможно ставить анализ логических структур в зависимость от структур познавательных. Все дело в том, что логика имеет дело не с так называемыми ‘универсальными законами мышления’, а с выразительными возможностями языка. Отсюда новым содержанием наполняется метод философии: «Недоверие к грамматике есть первое требование к философствованию»⁹⁴. Здесь речь идет не просто о противопоставлении грамматики естественного языка логической структуре, выявленной с помощью совершенного искусственного языка. Содержание *Заметок по логике* говорит скорее в пользу того, что грамматика искусственного языка должна вызывать недоверие не в меньшей степени, чем грамматика языка естественного. Методическая цель философии должна быть совершенно иной. Если Фреге и Рассел стремятся заменить естественный язык искусственным с тем, чтобы адекватно, свободным от эквивокаций образом описать познавательные структуры, то для Витгенштейна целью философии становится анализ грамматики языка как таковой. Отсюда вытекает как то, чем философия не может быть, так и то, чем она должна быть:

Негативный тезис: «Философия не дает картины реальности. Философия не может ни подтвердить, ни опровергнуть научные исследования»⁹⁵.

Позитивный тезис: «Слово “философия” всегда должно обозначать что-то стоящее над или под, но не наряду с естественными-

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

ми науками. Философия является доктриной логических форм научных предложений»⁹⁶.

В развитой форме эти тезисы послужат основой *Логико-философского трактата*..

«Заметки, продиктованные Дж. Э. Муру в Норвегии»

Следующий важный для понимания генезиса концепции Витгенштейна текст относится к тому времени, когда он поселился в Норвегии в местечке Скъелден, где жил на уединенной ферме на берегу фьорда Согн с октября 1913 г. почти до начала Первой мировой войны. Позднее Витгенштейн вспоминал это время как одно из наиболее плодотворных в своей жизни. Следуя настоятельным приглашениям, его уединение нарушил Дж. Э. Мур, который гостил у него с 29 марта по 14 апреля 1914 г. Напряженная работа результировалась в том, что принято называть *Заметками, продиктованными Дж. Э. Муру в Норвегии*. Характер заметок отвечает приему, которым Витгенштейн пользовался впоследствии. Иногда он диктовал материал ученикам или слушателям, а затем вносил в него изменения. Как и в *Заметках по логике* в *Заметках, продиктованных Муру* отсутствует единый план. Они представляют собой совокупность положений, сформулированных в ответ на долгое время обдумываемые вопросы. Предположительным мотивом их написания может служить стремление сообщить со случившейся оказией результаты своей работы Расселу, которому в письме, датированном приблизительно маем-июнем 1914 г., Витгенштейн пишет: «Моя работа значительно продвинулась за последние четыре-пять месяцев. <...> Я объяснил ее в деталях Муру, когда он был у меня, и он сделал различные заметки. Поэтому вы можете все узнать от него. В моей работе много нового. — Лучший способ понять ее вполне был бы, если бы вы прочитали заметки Мура сами»⁹⁷.

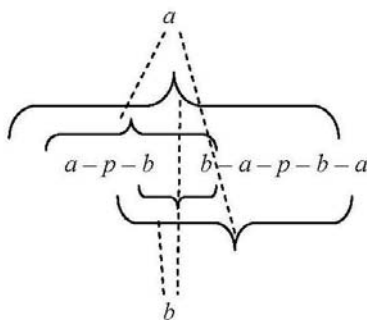
Заметкам, продиктованным Дж. Э. Муру предшествовало несколько важных писем к Расселу. Витгенштейн продолжает размышлять над сущностью предложений логики и сообщает: «Мне пришла на ум совершенно новая идея: новые проблемы, возникшие в теории молекулярных предложений и теории вывода, приобретают новый и очень важный аспект. Одним из следствий моей новой идеи будет — я думаю — то, что вся логика вытекает только из одного

⁹⁶ Там же. С. 131.

⁹⁷ Wittgenstein L. Letters to Russel, Keynes and Moore. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1974. P. 55.

предложения!»⁹⁸ Из письма не вполне ясно, что это за предложение. Однако на основании вышеизложенного оно, очевидно, не может рассматриваться как закон дедукции, оправдывающий вывод. Это предложение не может быть и утверждением всеобщности, из которого следуют все остальные предложения логики как подпадающие под него частные случаи. Чем же оно может быть? Последующие письма показывают, что основным в трактовке логических предложений становится не всеобщность, как было в *Заметках по логике*. Всеобщность, связывающая действительные переменные, может характеризовать и предложения естествознания. Но логика должна оказаться совершенно иной наукой. И Витгенштейн стремится разработать новый критерий, позволяющий отличать предложения логики от предложений всех других наук.

Этот критерий основан на делении предложений на ‘сущностно’ и ‘случайно’ истинные, что связано со спецификой их истинностной оценки. Дело в том, что истинность или ложность ряда предложений, обычно рассматривающихся в качестве законов логики, может быть установлена исключительно из их символических особенностей. Это как раз и указывает на сущностную истинность. Разработке данного вопроса способствует предложенная в *Заметках по логике* *ab*-запись. Способ приписывания предложению истинностных полюсов показывает, что для установления сущностной истинности предложения достаточно одного символического правила, которое формулируется следующим образом: «Если *b*-полюс связан только с такими группами внутренних полюсов, которые содержат противоположные полюса одного предложения, то все предложение является истинным, оно является логическим предложением»⁹⁹. Рассмотрим, например, так называемый закон исключенного третьего ‘ $p \vee \sim p$ ’ и представим его в *ab*-записи, устанавливая соотношение внутренних полюсов с внешними. Полученный символ будет иметь следующий вид:

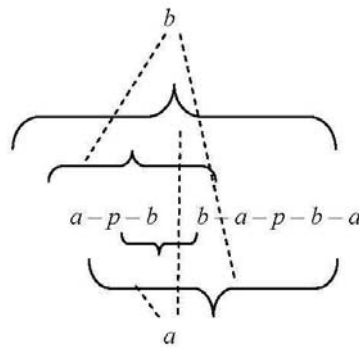

⁹⁸ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 151.

⁹⁹ Там же. С. 153.

Здесь ‘ p ’ записываем как $a-p-b$; отрицание изменяет полюса на противоположные, а значит, ‘ $\sim p$ ’ будет иметь вид $b-a-p-b-a$. Смысл знака ‘ \vee ’ в том, что ‘ p ’ и ‘ $\sim p$ ’ должны соответствовать разные полюса, на что мы указываем, сопоставляя классам полюсов $\{ab\}$ и $\{ba\}$ внешний a -полюс, и не могут соответствовать одинаковые полюса, на что мы указываем, сопоставляя классам полюсов $\{aa\}$ и $\{bb\}$ внешний b -полюс. Таким образом, в ab -записи ‘ $p \vee \sim p$ ’ удовлетворяет сформулированному правилу, а значит, является сущностно истинным.

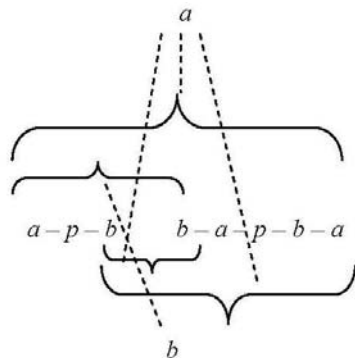
Аналогичное правило можно установить для предложений, которые рассматриваются как сущностно ложные. Различие здесь касается координации полюсов; в сущностно ложном предложении с противоположными полюсами одного предложения должен быть связан a -полюс. Возьмем, например, ‘ $p \cdot \sim p$ ’. В ab -записи соответствующий ему символ будет выглядеть следующим образом:

Запись ‘ p ’ и ‘ $\sim p$ ’ совпадает здесь с предыдущим случаем. Но смысл знака ‘ \cdot ’ в том, что ‘ p ’ и ‘ $\sim p$ ’ должны соответствовать одинаковые полюса и не могут соответствовать разные, что выражается с помощью внешних полюсов. Значит, согласно правилу это предложение является сущностно ложным.

Правила, позволяющие распознавать сущностную истинность, распространяются и на другие случаи, в том числе и с большим, чем два, числом аргументов. Можно показать, что сущностно истинными являются все предложения — как исходные (аксиомы), так и производные (теоремы), с помощью которых Фреге и Рассел строят свои варианты исчисления высказываний, а сущностно ложными — все предложения, которые им противоречат. При интерпретации a -полюса и b -полюса как истины и лжи соответственно ab -запись показывает, что предложения, удовлетворяющие первому правилу, не могут быть ложными, поскольку предложение должно быть истинным или ложным, а предложения, удовлетворяющие второму правилу, не могут быть истинными, поскольку одно и то же предложение не может быть истинным и ложным одновременно.

Предложения, не удовлетворяющие сформулированным правилам, не являются сущностно истинными или сущностно ложными, они — случайны. Таковым, например, является предложение ' $p \supset \sim p$ '. Соответствующий ему символ таков:

Здесь координация полюсов не удовлетворяет установленным правилам. Это предложение может быть как истинным, так и ложным в зависимости от действительного значения ' p ', а значит, оно является случайным.

Данный подход может быть, *mutatis mutandis*, распространен и на все другие предложения, в частности предложения с общностью (кванторами), на что указывает, как говорилось выше, возможность их представления с помощью ab -записи. Например, предложение ' $(x): x=x \supset (\exists y). y=y$ ' является сущностно истинным, а предложение ' $(\exists x) x=x$ ' — случайно истинным.

ab -запись с применением приведенных правил однозначно задает критерий различения сущностно истинных или сущностно ложных предложений и случайных предложений. Существенность истинностной оценки служит способом распознавания логических предложений: «'Логическое' предложение, есть предложение, которое является либо сущностно истинным, либо сущностно ложным»¹⁰⁰. Такое понимание логических предложений приводит к нескольким важным следствиям. Во-первых, сущностную истинность или ложность можно опознать исключительно с помощью соответствующей записи; «предложения логики — и только они — имеют свойство выражать свою истинность или ложность в самом знаке»¹⁰¹. На основании этого Витгенштейн характеризует сущностно истинные предложения как тавтологии, а сущностно ложные — как самопротиворечия. Эти два случая исчерпывают совокупность логических предложений. Во-вторых, поскольку существует один метод дока-

¹⁰⁰ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 153.

¹⁰¹ Там же.

зательства и опровержения тавтологий, основанный на одном символическом правиле, постольку должно существовать одно предложение, из которого вытекают все логические предложения. На возможность такого предложения указывает то, что истинность всех логических предложений устанавливается *a priori*, с помощью исследования самих знаков, и не требует обращения к действительности. В-третьих, возникает, наконец, возможность однозначного определения того, что нельзя относить к логическим предложениям. «Своеобразная (и наиболее важная) характеристика *не*-логических предложений в том, что их истинность не может быть увидена из самого знака предложения»¹⁰². Если, например, взять предложение ‘Мейер — глуп’, то из самого знака нельзя узнать, является оно истинным или ложным. Точно так же истинность предложения ‘ $(\exists x) x=x$ ’, которое Рассел рассматривает как утверждение о существовании по крайней мере одной вещи, нельзя установить из одного знака, необходимо обращение к действительности.

Последнее следствие приводит к пересмотру характера некоторых предложений, которые Рассел считал логическими. Здесь нужно учесть, что ‘сущностно истинные’ не всегда совпадает с тем, что часто рассматривается как ‘необходимые’, поскольку истинность необходимых предложений может зависеть от содержания. Необходимо истинными Рассел, например, считает аксиому бесконечности и аксиому сводимости, относя их к логическим предложениям. Витгенштейн же имеет в виду принципиально иное. Он говорит: «Все предложения логики есть обобщения тавтологий, и все обобщения тавтологий есть предложения логики. Кроме них нет логических предложений. (Я рассматриваю это как определение)»¹⁰³. Правильность аксиомы бесконечности и аксиомы сводимости нельзя установить из одних знаков. Их истинность не может быть обоснована с помощью приведенного символического правила, и нет никакого логического предложения (т. е. тавтологии), из которых они могли бы быть выведены. Следовательно, они не являются логическими предложениями, а требуют обращения к действительности. Но ничто не препятствует тому, чтобы вообразить такой мир, в котором эти утверждения не имеют места. Вполне допустим мир, где число предметов было бы меньшим, чем \aleph_0 , или мир, где имелось бы непредикативное отношение, с которым нельзя было бы соотнести предикативное отношение. Однако, как считает Витгенштейн,

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 154.

не дело логики решать, совпадает ли мир, в котором мы живем, с этими мирами или же нет. Аксиома бесконечности и аксиома сводимости если и являются истинными, то являются таковыми 'благодаря счастливой случайности'. Они относятся не к 'сущностно', а к 'случайно' истинным предложениям.

Объясняя применение *ab*-записи к распознаванию логических предложений, Витгенштейн прекрасно осознает как ее недостатки, так и ее достоинства. Недостатки касаются затруднений, которые связаны с интерпретацией предложений более чем с одной переменной. Дополнительных объяснений требуют и предложения с общностью, а также предложения, в которых используется тождественность имен. Поэтому фундаментальной технической проблемой логики является проблема: «Как может быть сконструирована запись, которая сделает каждую тавтологию распознаваемой как тавтологию *одним и тем же способом?*»¹⁰⁴. Ее решение в общем виде будет представлено в *Трактате*. К несомненным же достоинствам *ab*-записи относится то, что, даже если она не вполне корректна, она все же демонстрирует принципиальную возможность распознавания логических предложений исключительно с помощью знаков, что указывает на отличительные особенности этих предложений. Для Витгенштейна теоретическое объяснение сущности тавтологий — это «основной вопрос *всей* логики»¹⁰⁵. Этот вопрос как раз и является главной темой *Заметок, продиктованных Дж. Э. Муру*.

Наиболее значительное достижение этого текста — крайне важная концепция различения между 'показанным' и 'сказанным'. На ней базируется ряд идей, из которых к наиболее фундаментальным относятся следующие:

— характеристика логических предложений как 'тавтологий', которые показывают внутренние отношения, но 'сами не говорят ничего'. Внутренние отношения затрагивают, с одной стороны, свойства языка, с другой стороны, свойства мира в целом, а потому характеризуют единство логической формы языка и мира. Это приводит к двум замечательным следствиям: (1) в языке, в котором нечто может быть высказано, можно высказать все; (2) невозможно сконструировать такой язык, который говорил бы о логической форме, поскольку тогда этот язык должен был бы быть нелогичным;

— отсюда вытекает концепция логики как метода описания тавтологий, раскрывающего логическую форму их конститuent.

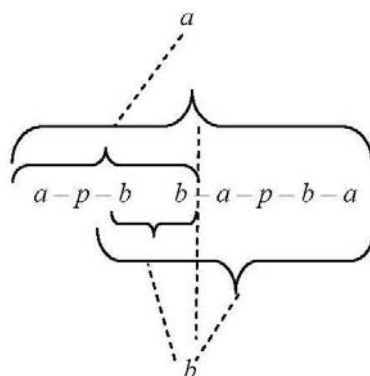
¹⁰⁴ Там же. С. 153.

¹⁰⁵ Там же. С. 156.

В отличие от Рассела, который, отталкиваясь от теории внешних отношений и теории суждения, считал, что логика описывает способы связи предложения со своими конstituентами, Витгенштейн утверждает, что тавтологии являются формами доказательств, показывающими внутренние отношения между предложениями. Логические предложения существенно отличаются от ‘действительных’ предложений, поскольку не являются истинными или ложными в обычном смысле. Доказательство тавтологии на самом деле не является установлением ее истинности, а лишь показывает, что она относится к логическим предложениям;

— на различии показанного и сказанного основан окончательный разрыв с расселовской теорией типов. Символическая запись сама по себе показывает, что знаки соотносятся с различными классами предметов. Любая попытка явно указать значение знака является бессмысленной, поскольку вид знак, зависящий от его способа вхождения в выражение, полностью определяет (показывает) класс предметов, который он может обозначать. Поэтому предложения, эксплицитно приписывающие значение знакам, бессмысленны или излишни, поскольку они пытаются установить то, что ‘показано самим символом’.

Для прояснения сущности тавтологий вновь обратимся к особенностям ab -записи. Напомним, что согласно Витгенштейну приписывание полюсов предложению носит произвольный характер и, следовательно, полюса одного и того же предложения могут интерпретироваться различно. Отсюда вытекает одно затруднение. Биполярность предложений и произвольность интерпретации a -полюса и b -полюса создает впечатление, что истина и ложь совершенно симметричны и относятся к одному и тому же уровню. Под симметричностью здесь подразумевается возможность противоположной интерпретации значков без изменения целого символа, который из них построен. Если задать различные значения значкам ‘ a ’ и ‘ b ’, то один и тот же ab -символ может соответствовать разным предложениям. Например, символ

может рассматриваться как ' $p \cdot q$ ', если a -полюс интерпретировать как истину или как ' $p \vee q$ ', если a -полюса интерпретировать как ложь. Возникает вопрос, откуда тогда привходит различие в символ, ведь соответствующие ему предложения явно обладают разными свойствами? Наиболее очевидный ответ, что различие предопределено здесь разной интерпретацией ' a ' и ' b ', проблемы не решает, поскольку выходит за рамки самих знаков. «Интерпретация символизма не должна зависеть от того, что символам одних и тех же типов придается различная интерпретация»¹⁰⁶. Различие в ab -символе предложений ' $p \cdot q$ ' и ' $p \vee q$ ' обнаруживается лишь при рассмотрении отдельных значков ' a ' и ' b ', но понимание символизма в целом не должно зависеть от возможности различного понимания его компонентов, поскольку «если система записи должна быть правильной, то должно быть возможно видеть из самих символов, что между полюсами есть некоторое сущностное различие»¹⁰⁷. Указанную проблему как раз и решают тавтологии.

Симметричность полюсов имеет пределы независимо от их интерпретации, поскольку когда задаются правила приписывания значков ' a ' и ' b ', задается и то, символы какого вида должны быть логическими предложениями, а это уже не является произвольным. Описание указанного выше символа относительно ' a ' и ' b ' само по себе симметрично, однако оно должно рассматриваться не само по себе, а относительно того, какие предложения с точки зрения правил, регулирующих данное описание, будут тавтологиями. Если, например, предложение ' $\sim (p \sim p)$ ' согласно установленным правилам ab -записи является тавтологией, то приведенный ab -символ с необходимостью соответствует ' $p \cdot q$ '. Тавтологии вносят асимметрию. С точки зрения такой асимметрии приведенный выше символ уже не может рассматриваться в рамках заданной символической записи как соответствующий ' $p \vee q$ '. Последнему предложению будет соответствовать ab -символ, где внешние a -полюс и b -полюс поменялись местами. Таким образом, ' $p \cdot q$ ' и ' $p \vee q$ ' соответствуют два символа, и в одном из них стоит внешняя отметка ' a ', а в другом, внешняя отметка ' b '. Между этими символами установлена необходимая внутренняя связь, которая уже не зависит от нашего произвола, а определяется чертами символизма в целом. Как бы не интерпретировались ' a ' и ' b ', ab -символы ' $p \cdot q$ ' и ' $p \vee q$ ' всегда будут различными. Вну-

¹⁰⁶ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 139.

¹⁰⁷ Там же.

тренняя связь различных символов характеризует логическую форму символизма, которая закрепляется в тавтологиях.

Из приведенного объяснения ясно, как полюса предложения приобретают сущностное различие. Различие затрагивает здесь не непосредственно видимую форму знака. В ab -записи ' $p \cdot q$ ' и ' $p \vee q$ ', если обращать внимание только на значки, действительно могут показаться символами одинаковой логической формы. В этом случае все ограничивается тем, как понимать ' a ' и ' b '. Но из одного такого различия не вытекает ничего, поскольку оно на самом деле не затрагивает логическую форму. Различие обнаруживается не тогда, когда мы придаем интерпретацию отдельным отметкам частного знака, а тогда, когда устанавливаем правила распознавания тавтологий. Как только зафиксировано, символ какого вида является тавтологией, «отсюда сразу же следует как то, что любой другой символ, который отвечает тому же самому описанию, есть тавтология, так и то, что любой символ, который не отвечает описанию, не есть тавтология; и будучи зафиксированным, это больше не является произвольным в отношении любого другого символа, независимо от того, является он тавтологией или нет»¹⁰⁸.

Асимметрия полюсов касается, и тавтологий и самопротиворечий. Если обращать внимание только на форму символа, то при соответствующем изменении интерпретации полюсов приведенные выше ab -символы тавтологии ' $p \vee \sim p$ ' и противоречия ' $p \cdot \sim p$ ' также можно заменить друг на друга. Однако даже если мы и можем использовать символ тавтологии вместо символа противоречия, этого нельзя сделать в одном и том же отношении. Здесь речь идет уже не просто о различии в значках ' a ' и ' b '. Несмотря на одинаковую форму знаков, символизирует в них различное, они не совпадают по логической форме. Дело в том, что тавтология и самопротиворечие отражают различные внутренние отношения знаков, и если асимметрию вводить с помощью самопротиворечий, символическая система в целом будет демонстрировать свойства иные, чем свойства системы, где асимметрия вводится с помощью тавтологий. И если от логических предложений, поскольку они вносят сущностное различие в полюса предложений, зависит интерпретация случайно истинных предложений, то интерпретация самих тавтологий как тавтологий есть уже «интерпретация логической формы, а не придание значения отметке опеределенных очертаний»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Там же. С. 141.

¹⁰⁹ Там же. С. 140.

Устанавливая, какие предложения являются тавтологиями, мы задаем то, что в системе записи не является произвольным, несмотря на произвольность интерпретации отдельных элементов этой системы. Когда фиксируется, что символ является тавтологией, а не самопротиворечием, тем самым не придается значение ‘*a*’ и ‘*b*’, а указывается на то, что способ связи полюсов с предложением символизирует совершенно иначе, нежели в том случае, если бы этот символ рассматривался как противоречие. И впредь этот способ связи должен интерпретироваться одинаково во всех других символах¹¹⁰. В этом смысле логические предложения могут рассматриваться как постулаты, т. е. как то, «что “затребовано” нами; так как мы требуем удовлетворительной системы записи»¹¹¹. И хотя символ для тавтологии можно заменить символом для самопротиворечия, этого нельзя сделать в рамках одного и того же языка, поскольку в этом случае символическая система демонстрировала бы другие свойства. Таким образом, адекватное понимание записи возникает не тогда, когда задается понимание отдельных значков; «интерпретация формы символизма должна быть зафиксирована, когда задается интерпретация ее *логических свойств*»¹¹².

Такое понимание логических предложений объясняет, почему их истинность или ложность может быть опознана из самих знаков. В тавтологиях и самопротиворечиях фиксируются свойства знаковой системы, и, следовательно, при характеристике предложения как логического не требуется обращения к реальности. Поэтому предложения логики бессодержательны, они не несут никакой материальной информации, так как предложение, содержащее материальную информацию, определяется совокупностью условий истинности, приводящих его в соответствие с действительностью. Однако ‘бессодержательность’ в данном случае не означает ‘бесмысленность’ в том значении этого слова, когда говорят о бессмысленности предложения, включающего слова, которые не имеют значения. Как считает Витгенштейн,

¹¹⁰ Для этого совершенно не обязательно использовать оба полюса. *b*-полюс можно было бы вообще опустить, тогда символическую нагрузку несло бы то, что в одном случае связь имеет место, а в другом — нет. Это показывает, что функционирование тавтологий не зависит от внешней формы символа, которая произвольна, и интерпретации его отдельных черт. Как раз наоборот, отдельные черты символа будут интерпретироваться в зависимости от того, какие символы мы установим в качестве тавтологий.

¹¹¹ *Витгенштейн Л.* Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 145.

¹¹² Там же. С. 141.

хотя логические предложения ничего не говорят, они «показывают логические свойства языка», которые можно увидеть, просто глядя на них, тогда как «в собственно предложении нельзя видеть, что является истинным, глядя на него»¹¹³. Более того, поскольку язык стремится выразить все, свойства, которыми он обладает, отражают определенные свойства мира, и тавтологии, показывая логические свойства языка, характеризуют логические свойства универсума, так как определяют возможность интерпретации знаковой системы в целом. Логические свойства языка именно показываются, потому что нельзя сказать о том, что они собой представляют. Для того чтобы что-либо сказать о таких свойствах, необходим язык; но он либо уже обладает этими свойствами, и тогда возникает порочный круг, либо он не получил таких свойств, но тогда это уже не будет собственно языком, поскольку нельзя сконструировать нелогичный язык. «Язык, который может выразить или *сказать* все, что может быть сказано, этот язык должен иметь определенные свойства; и когда это случается, то, *что* он имеет эти свойства, больше не может быть сказано ни в этом языке, ни в *любом* языке»¹¹⁴. Эти свойства могут быть лишь систематическим образом показаны логическими предложениями.

То, каким образом логические предложения проясняют свойства языка, показывает уже асимметричность, которую они вносят в интерпретацию полюсов предложения. Внутренние отношения знаков относятся не к тому, что может быть сказано отдельным предложением, но показывается всей знаковой системой в целом, когда мы задаем, что именно считать тавтологией. Чтобы продемонстрировать, какой именно тип отношений систематически показывается тавтологиями, вернемся к рассмотренному выше примеру с ' $p \cdot q$ ' и ' $p \vee q$ '. Как уже указывалось, несмотря на сходство символов этих предложений в аб-записи, когда их рассматривают сами по себе, эти предложения обладают разными свойствами. Например, из первого предложения логически следует предложение ' q ', а из второго — нет. Однако само

¹¹³ Там же. С. 133.

¹¹⁴ Там же. Равным образом Витгенштейн принимает и инверсию данного тезиса: «Логические предложения *показывают* нечто, *потому что* язык, в котором они выражены, может *сказать* все, что может быть *сказано*» (Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 135). Язык сообщает материальную информацию о мире, и то, что он сообщает, есть вся информация. Сказано может быть только то, что несет смысл, но это полностью охватывается действительными предложениями языка, которые биполярны.

по себе предложение ' $p \cdot q$ ', представленное в аб-записи, не дает возможности видеть, что из него следует ' q ', поскольку, если бы мы произвольно изменили интерпретацию полюсов, этот же символ соответствовал бы ' $p \vee q$ ', из которого ' q ' не следует. Но, устанавливая правила соответствия полюсов, мы указываем на то, какие символы являются тавтологиями. Когда мы фиксируем, что знак вида ' $(p \cdot q) \supset q$ ' в аб-записи является тавтологией, из этого факта и из аб-символов для ' $p \cdot q$ ' и ' q ' непосредственно видно, что они связаны внутренним отношением, называемым отношением логического следования. Логические предложения показывают свойства языка, демонстрируя, что его действительные предложения связаны определенным образом.

В общем виде эту демонстрацию можно представить следующим образом. Согласно установленным правилам аб-записи задается определенное описание символа, который рассматривается как логическое предложение. Затем устанавливается, что символы, которые соответствуют действительным предложениям и которые построены согласно заданным правилам описания, будучи скомбинированы определенным способом, образуют логическое предложение. Это как раз и показывает, что они находятся во внутреннем отношении¹¹⁵. Возьмем, например, ' ϕ ', ' $\phi \supset \psi$ ', ' ψ '. Устанавливая, что предложение ' $\phi \cdot \phi \supset \psi : \supset \psi$ ' является тавтологией, можно видеть, что из действительных предложений ' ϕ ' и ' $\phi \supset \psi$ ' следует действительное предложение ' ψ '. Таким образом, «логические предложения являются формами доказательств: они показывают, что одно или более предложений следуют из одного (или более)»¹¹⁶. Тавтологии показывают отношения между предложениями, которые проявлены в самих символах. Отношение следования может связывать различные предложения, поэтому логические предложения, поскольку они являются разными тавтологиями, показывают нечто различное, но «все они показывают одним и тем же способом, — а именно, тем, что они являются тавтологиями»¹¹⁷.

Итак, логические предложения характеризуют свойства знаковой системы. Когда установлены символические правила, логическая истина показана тавтологичностью символа. Но как

¹¹⁵ В качестве логических предложений, показывающих связь действительных предложений, могут быть выбраны как тавтологии, так и противоречия, но, как указывалось выше, не в одном и том же языке, поскольку первые и вторые вносят асимметрию различным образом, фиксируя различные логические свойства языка.

¹¹⁶ Там же. С. 135.

¹¹⁷ Там же. С. 140.

устанавливается, что символ является тавтологией? Из различия сущностной и случайной истинности предложений ясно, что для этого достаточно исследования свойств самого символа. Для этого задаются исходные символы, затем устанавливаются правила их комбинирования и, наконец, определяется, что полученный таким способом символ является тавтологией. Подобная процедура связана только с внешним видом знака и не затрагивает никакого содержания. Логическое предложение может быть чрезвычайно сложным, сложным до такой степени, что непосредственно не видно, что оно является тавтологией. Но если мы можем показать, что знак этого предложения получается из других символов согласно правилу конструирования тавтологий, этого достаточно, чтобы рассматривать его как определенную форму доказательства и в соответствии с ним устанавливать внутренние отношения предложений друг с другом. В этом случае процесс вычисления тавтологичности не выходит за рамки установления внешнего вида символа, свойства которого выводятся из внешнего вида более простых символов.

Апелляция к внешнему виду знаков при установлении логической истинности предложения отличает точку зрения Витгенштейна от взглядов Фреге и Рассела. Для Фреге и Рассела логическое предложение выражает универсальную истину (закон логики), обоснование которой требует доказательства с помощью других истин. Для этого задаются так называемые примитивные предложения логики и правила вывода, и все, что можно получить из первых с помощью вторых, считается доказанным логическим предложением. Рассмотренный таким образом процесс доказательства вполне аналогичен доказательству действительного предложения с помощью других действительных предложений, поскольку апеллирует скорее к содержанию символов, а не к их внешнему виду. Для Витгенштейна доказательство тавтологии не есть доказательство ее истинности, поскольку логические предложения не являются истинными и ложными в том смысле, в котором истинными и ложными являются подлинные предложения. Процесс доказательства тавтологии говорит не о содержании (логические предложения бессодержательны), а о виде самого символа. И говорит именно, то, что он может быть получен с помощью соответствующих правил комбинирования, поскольку «так называемое *доказательство* логического предложения не доказывает его *истинности*, но доказывает, что оно является логическим предложением»¹¹⁸.

¹¹⁸ Там же. С. 134.

Анализируя символические особенности логических предложений, Витгенштейн демонстрирует, что логика ничего не сообщает о мире. Ее компетенция ограничивается исследованием особенностей знаковых систем. Следовательно, любая теория, выходящая за рамки комбинаторики со знаками и имеющая материальное содержание, должна быть из логики устранена. Прежде всего это касается теории типов, которая пытается нечто сказать о видах значения. Все проблемы, для решения которых она предназначена, должны быть устранены на уровне надлежащим образом объясненного символизма. Теория типов пытается установить эксплицитное различие между вещами, свойствам, отношениями и т. д.; но к логике это не должно иметь никакого отношения, поскольку логика апеллирует только к внешнему виду знаков. Но говоря о внешнем виде знаков, мы имеем в виду не то, что они обозначают, а то, что именно в них символизирует. Возьмем, например, предложение ' aRb '. Это предложение говорит о реляционном факте. Если мы спросим: "Почему?", теория типов может сказать нам: потому что знак ' R ' обозначает отношение. Но с точки зрения Витгенштейна, здесь символизирует не наличие знака ' R ', а тот факт, что он находится между двумя именами. В этом случае мы не задаем значение отдельных элементов знака, а лишь указываем на то, что именно несет символическую нагрузку. То, что ' aRb ' выражает реляционный факт, показано самим видом символа.

Знак вводится через указание его возможных способов комбинирования с другими знаками, а это само по себе задает интенцию значения. Бессмысленно говорить, что данный знак относится к тому или иному типу, поскольку для того, чтобы это сделать, необходимо знать, что представляет собой символ, в который может входить данный знак, но как только это известно, символ сам показывает тип знака и, следовательно, тип того, что символизируется; т. е. «зная, что символизирует, ты знаешь все, что должно быть известно; ты не можешь *сказать* что-либо о символе»¹¹⁹. Отсюда вытекает, что любая теория типов должна быть преодолена различием между тем, что говорит язык, и тем, что он показывает. При рассмотрении ' aRb ' не имеет смысла говорить, что a и b являются вещами, это показывают знаки ' a ' и ' b ', соотношение которых показано символом предложения в целом. Даже если и существовали бы предложения, в которых эксплицитно устанавливается тип (например, " a есть вещь" или " R есть отношение"), «они были бы излишними (тавтологичны-

¹¹⁹ Там же. С. 136.

ми), потому что они пытаются сказать нечто такое, что уже и так *видно*»¹²⁰, когда мы смотрим на ‘а’ и ‘R’.

Различие между показанным и сказанным относится и к определению типа предложения. Предложения имеют смысл, и возможность их понимания не зависит от действительного значения. Но, понимая предложение, если оно вообще имеет какой-то смысл, мы видим его форму, которая показывает, является ли предложение субъектно-предикатным или реляционным. Возможность смешения типов в результате подстановки знака одного типа вместо другого при рассмотрении формы предложения здесь исключена, поскольку форма показывает, какие знаки могут быть подставлены, а какие нет. Это решает проблему установления бессмысленности предложений, в которых смешаны знаки различных типов.

Для пояснения этого тезиса обратимся к примерам Витгенштейна. Возьмем ‘~x’. С точки зрения расселовской теории типов бессмысленность данного выражения связана с тем, что знак ‘~’ не может выражать свойство предмета, который обозначается посредством ‘x’. Однако дело здесь не в типе знака ‘~’, а в интерпретации общей формы, в которой он может встречаться. Когда задается форма вида ‘...ξ’, значение имеет то, что именно в ней символизирует, а это как раз и будет определять, какие знаки можно подставлять вместо ‘...ξ’. В знаке вида ‘φξ’ символизирует то, что ‘φ’ стоит слева от собственного имени, но когда мы используем ‘~’ в ‘~p’ это, очевидно, не так, ведь ‘p’ не является собственным именем. Это само по себе показывает, что ‘~’ не является знаком свойства, поскольку «во всех предложениях, в которых встречается имя свойства, общим является то, что это имя стоит слева от формы имени»¹²¹.

Аналогичные соображения касаются и других случаев. Сравнивая выражения “Платон Сократ” и “Абракадабра Сократ”, можно предположить, что первое в отличие от второго имеет смысл, поскольку ‘Платон’ имеет значение, а ‘Абракадабра’ — нет. Однако оно столь же бессмысленно, поскольку, для того чтобы «эта целая фраза имела значение, необходимо не то, чтобы ‘Платон’ имело значение, но чтобы значение имел тот факт, что ‘Платон’ находится слева от имени»¹²². Здесь, как и в первом случае, установление бессмысленности не требует обращения к типам значения, достаточно символических особенностей самих знаков.

¹²⁰ Там же. С. 135.

¹²¹ Там же. С. 143.

¹²² Там же.

Предотвращение бессмысленности предложений с точки зрения правильной трактовки символов позволяет устранить парадоксы, касающиеся самореферентных функций, для разрешения которых Расселом как раз и была разработана теория типов. Предложения вида “Свойство не быть зеленым не является зеленым” Рассел считает бессмысленными потому, что свойство ‘зеленое’ приписывается свойству того же самого типа. Однако знаки сами показывают невозможность подобной комбинации, поскольку символическая особенность предиката, который выражает свойство предмета, состоит именно в том, что он должен сочленяться с собственным именем, а выражение ‘свойство не быть зеленым’ таковым не является. Как говорит Витгенштейн, « ϕ не может стоять слева (или в любом другом отношении) от символа свойства. Так как символ свойства, например ψx , заключается в том, что ψ стоит слева от именной формы, и другой символ например ψx , заключается в том, что ψ стоит слева от именной формы, и другой символ ϕ , вероятно, не может стоять слева от такого факта: если бы он мог, мы имели бы нелогичный язык, который невозможен»¹²³.

Каждое предложение показывает символические особенности знаков, из которых оно построено, что само по себе различает их тип. В предложении “Мур хороший” показано взаимное расположение ‘Мур’ и ‘хороший’. Об этом расположении может сказать другое предложение, например «‘Мур’ расположено слева от ‘хороший’». Но то, что говорится в этом последнем предложении, относится к произвольным чертам символической системы. Вполне можно представить язык, где предложение с тем же самым содержанием имело бы другое расположение знаков, о котором можно сказать в другом предложении. Однако наряду с произвольными чертами каждая знаковая система несет нечто непроизвольное. К непроизвольному относится то, что знаки, символизирующие по-разному, относятся к различным типам. Это относится к той части показанного, которая не может быть

¹²³ Нелогичный язык Витгенштейн определяет как язык, «в котором, например, ты мог бы поместить *событие* в дыру» (Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 133), т. е. как язык, в котором свойства могут приписываться фактам. Для адекватного понимания данного утверждения напомним, что согласно точке зрения, разрабатываемой в *Заметках по логике*, значение предиката извлекается посредством логической формы в рамках предложения, которое само является фактом, где символизирует расположение имен. Нелогичным был бы в таком случае, тот язык, где символизировало бы то, что один факт находится в отношении к другому факту, что лишено смысла. В ‘дыру’ можно поместить вещь, но не факт.

высказана ни в одном предложении, поскольку любое предложение должно уже обладать этим фундаментальным логическим свойством. К сущностным чертам любой символической записи относится то, «что тип символа отношения отчасти фиксируется типом символа вещи, поскольку в нем должен встречаться символ последнего типа»¹²⁴; то, как это осуществляется в каждом конкретном случае, является случайным.

Сущностные черты языка характеризуют возможную интенцию значения тех или иных символов, привнося различие в типы значения; поэтому логический анализ затрагивает не просто систему записи, но и характеризует действительность¹²⁵. Правда, отношение логики к универсуму здесь иное, чем предполагается расселовской теорией типов. То, что в логике характеризует действительность, относится к уровню ‘показанного’, а не к уровню ‘сказанного’. Действительные предложения имеют смысл, т. е. мы понимаем, что имеет место, когда они являются истинными, и что имеет место, когда они являются ложными, но за наличие смысла отвечает логическая форма, которую мы видим, когда смотрим на предложение. Логическая форма показывает символические особенности знаков, из которых построено предложение, поэтому «каждое *действительное* предложение — помимо того, что оно говорит — *показывает* нечто об универсуме»¹²⁶, оно отражает своей структурой некоторое логическое свойство универсума. Таким образом, каждое действительное предложение говорит об одних отношениях и показывает другие отношения. Например, предложение “На столе лежит книга” говорит об определенном отношении между книгой и столом, а соотношение знаков показывает возможность конфигурации соответствующих знакам объектов.

Адаптируя терминологию неогегельянцев, Витгенштейн называет отношения второго типа внутренними и отличает их от внешних отношений, о которых предложение говорит. «*Внутренние* отношения есть отношения между типами, которые не могут быть выражены в предложении, но во всем показываются в самих символах»¹²⁷. Различные символы связаны различными типами внутренних отношений. Так предложения находятся в одних

¹²⁴ *Витгенштейн Л.* Из писем Витгенштейна к Расселу // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. С. 137.

¹²⁵ Априорный характер подобного исследования свидетельствует о том, что логика приобретает трансцендентальный характер. Разработка этой темы найдет выражение в *Логико-философском трактате*.

¹²⁶ Там же. С. 134.

¹²⁷ Там же. С. 144.

внутренних отношениях к предложениям и в других внутренних отношениях к именам, являющимся их конституентами. Различие этих отношений проявлено видом символов, поскольку одно предложение не может встречаться в другом предложении тем же способом, которым в нем встречается имя.

Исследование внутренних отношений входит в исключительную компетенцию логики, которая, устанавливая правила знаковой системы, систематически проявляет их в логических предложениях. Эти последние, хотя и не говорят ничего, показывают, в какого рода внутренних отношениях находятся предложения, построенные с помощью символов различных типов. В частности, тавтологии, относящиеся к логике высказываний, показывают систему внутренних отношений, которые связаны с логическими операторами. Так, например, в определенном внутреннем отношении находятся предложения 'φa' и 'φa ⊃ ψa', которое показано тавтологией 'φa.φa ⊃ ψa: ⊃: ψa' и которое дает нам право дедуцировать из них предложение 'ψa'. В логике предикатов тавтологии, включающие символ тождества, например $(\exists x). \phi x. x = a. \equiv: \phi a$, показывают внутреннее отношение между функцией и ее аргументом. Асимметрия и связь логических операторов, показанные тавтологиями, демонстрируют внутренние отношения предложений.

Поняты таким образом, внутренние отношения не являются отношениями в собственном смысле, поскольку они не говорят, как одно предложение связано с другим предложением, но показывают, что форма одного символа есть часть формы другого символа.

Следствием внимания к символическим особенностям знаков, показанных их внешним видом, является еще одна, хотя и незавершенная, новация Витгенштейна — стремление установить общую форму предложения. Для Рассела, который тип предложения определяет в зависимости от типа значения входящих в него знаков, понятие 'общая форма предложения' чуждо потому, что определение логических форм предложений зависит от принимаемых онтологических предпосылок. Можно только составить перечень различных типов предложений, определяемых типом входящих в них знаков. Субъектно-предикатные предложения, предложения с двухместными или трехместными предикатами отличаются друг от друга тем, что одни говорят о свойствах, а другие об отношениях различной местности. Однако если определять тип знаков с точки зрения их символических особенностей, как поступает Витгенштейн, то вполне можно поставить вопрос об общем методе символизации, присущем знакам различных типов.

В подтверждение существования общей формы предложения можно привести ряд аргументов, касающихся неопределяемых различных видов. Согласно *Заметкам по логике* имена являются неопределяемыми. Устанавливая, что некоторый знак является именем, мы опознаем его в таком качестве во всех предложениях, в которых он может встречаться. Но предикат не является неопределяемым, поэтому сходство значков не может служить основанием для отождествления символов. Нельзя указать на то, что знак является предикатом, ссылаясь на способ его употребления в другом предложении. Тогда каким образом мы можем опознать знак как предикат? Значение предиката, согласно тем же *Заметкам*, задается логической формой, различающей поведение объектов. Следовательно, если знак должен опознаваться как предикат, его необходимо вводить с точки зрения некоторой общей формы, которая определяет символические особенности всех знаков, рассматриваемых как предикаты, а не объяснять, какой именно знак выполняет эту роль в данном предложении. В ' $\phi(a, b)$ ' тип ' ϕ ' нельзя установить просто ссылкой на его отношение к ' a ' и ' b ', поскольку этот знак не является неопределяемым. Поэтому «следует вводить функции, так же как и имена, сразу же в нашей общей форме предложения; объясняя то, что подразумевается, приписыванием значения факту, что имена стоят между скобками и что функция стоит слева от имен»¹²⁸. На это можно возразить, что предикаты различной местности относятся к различным типам. Однако, как считает Витгенштейн, аналогия между отношениями различной местности и возможность рассмотрения n -местного отношения показывают, что все предикаты имеют нечто сходное, нечто такое, что не связано с различием в типе. Сходное затрагивает общий способ символизации, а различное подобно различию имен, т. е. зависит от опыта. Отсюда становится ясным, как можно установить, что получена действительно наиболее общая форма предложения, «нужно только ввести то, что является *общим* для всех отношений любой местности»¹²⁹.

Существование общей формы предложения оправдывает то чувство, которое возникает при анализе предложений действительного языка. Каждое из них является бесконечно сложным и всегда поддается дальнейшему анализу, поскольку его составные части никогда не являются простыми. Но при формализации оно рассматривается таким образом, как если бы было далее неанализируемым. Представляя предложение «На столе лежит кни-

¹²⁸ Там же. С. 145.

¹²⁹ Там же. С. 146.

га” в виде ‘ aRb ’ необходимо учитывать, что ни ‘стол’, ни ‘книга’ не являются простыми, не поддающимися дальнейшему анализу компонентами. Однако общая форма предложения оправдывает априорную уверенность в том, что как бы далеко не распространился анализ, он все равно приведет нас к чему-то подобному ‘ aRb ’ к чему-то такому, где форма символизирующего факта будет заключаться в определенной конфигурации имен. Эта же априорная уверенность позволяет переходить от предложений вида “На столе лежит книга” к предложениям с мнимыми переменными, например $(\exists x, y, R) xRy$, которые являются уже неанализируемыми, но вполне понятны, хотя мы, возможно, и не знаем далее неразложимых предложений вида ‘ aRb ’.

Обратим внимание на то, что предложения с мнимыми переменными не содержат имен, но характеризуют общую форму символизирующего факта. Рассматривать их с точки зрения теории типов вообще бессмысленно, поскольку они говорят не о типах значений, а о знаках. Предложение $(\exists x, y, R) xRy$ должно прочитываться не как ‘Существуют две такие вещи и такое отношение...’, а как ‘Существуют такие x и y и R ...’. Также и общая форма предложения ничего не говорит о типах значения, но характеризует символические особенности различных знаков. Когда задается общая форма предложения, задаются возможные способы конфигурации знаков вещей, свойств и отношений, а тем самым задается возможная конфигурация их значений. Это выводит на установление общего способа верификации предложений. Если мы говорим, что данный символ является предложением, поскольку конфигурация его знаков удовлетворяет общей форме предложения, тем самым указывается на совокупность возможных конфигураций значений в соответствующих фактах, а это определяет смысл предложения, т. е. те случаи, в которых оно является истинным, и те случаи, в которых оно является ложным.

Еще один аргумент в пользу введения общей формы предложения касается логических неопределяемых. Как было установлено в *Заметках по логике*, логические операторы не имеют предметного значения, они относятся к внутренним отношениям в рамках знаковой системы. Область их функционирования регулируется знаками препинания, такими как точки и скобки, а значит, они имеют определенный ‘радиус действия’. ‘Знаки препинания’ не имеют собственного значения, но должны вводиться одновременно с логическими операторами. В этом случае возникает проблема тождественности операций, имеющих различный радиус действия. Для того чтобы, например, условная связь одинаково понималась в предложениях ‘ $p \supset q$ ’ и ‘ $p \supset (q \supset r)$ ’,

необходимо задать такие правила комбинирования знаков, которые сохраняли бы ее смысл во всех возможных сочетаниях. Поэтому при введении логических операторов «необходимо ввести общее понятие *всех возможных* их комбинаций = общую форму предложения»¹³⁰. Это относится не только к *ab*-функциям, но и к логическим неопределяемым других видов, например кванторам.

¹³⁰ Там же. С. 145.